

КУЗНЕЦОВА ДАРЬЯ

ЖЕЛЕЗО И ИСКРА #2

Голос
Немого

Дарья Андреевна Кузнецова
Железный регент.
Голос Немого
Серия «Другие миры (АСТ)»
Серия «Железо и Искра», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38841261
Железный регент. Голос Немого : роман / Дарья Кузнецова: АСТ;
Москва; 2018
ISBN 978-5-17-110986-8

Аннотация

Выбирая себе мужа, Тия Дочь Неба молила богов о милости. Она не ждала счастья, ведь брак по любви – невиданная роскошь для кесаря. Тия просила лишь о спокойствии. И о мужчине, с которым она могла бы найти общий язык... Но богиня указала юной правительнице на немого чужака, и сложно было не счесть это насмешкой.

Иногда голос сердца звучит громче и отчетливее любых слов, но Тии только предстоит это узнать. А еще – понять, что боги никогда и ничего не делают просто так.

Содержание

Глава 1. О брачных обрядах	4
Глава 2. О новых ролях	36
Глава 3. О первых ласточках	71
Глава 4. О мире и хаосе	111
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Дарья Кузнецова

Железный регент.

Голос Немого

Глава 1. О брачных обрядах

Тия Дочь Неба

Вокруг расстился сад – глухой, запущенный и оттого жутковатый, угнетающий. Все храмы Вечного Дитя выглядят одинаково: островок полудикой природы, в глубине которого спрятаны небольшие павильоны или беседки. Сейчас, вечером, сад этот больше напоминал глухой лес, в недрах которого притаилось что-то страшное, опасное, недобро глядящее на людей, вторгшихся на его территорию.

Умом я понимала, что никакой опасности нет, что совсем рядом находятся люди, которым можно доверять, что меня защищает сильнейший из когда-либо живших фиров – Ив Ярость Богов. Я чувствовала и даже видела едва заметный защитный купол, укрывавший меня и идущего со мной рука об руку мужчину. Но все это совсем не успокаивало. Мне было страшно.

Пугал не только храм Вечного Дитя и не только сейчас – все последние дни я провела в каком-то непрекращающемся

ся кошмаре. Прежняя тихая жизнь в Верхнем дворце сейчас казалась невообразимо далекой, хотя с ее окончания прошло всего три дня. Крошечный камешек Шипов-и-Пряжи строил громадный сель больших и маленьких трудностей и проблем, который грозился полностью погрести меня под собой.

Сама церемония помнилась как в тумане: молчание разочарованные люди, тяжелый бесстрастный взгляд Идущей-с-Облаками, какой-то мужчина под копытами лошади. Я держалась на единственной мысли: нельзя останавливаться, ни в коем случае нельзя сдаваться, нужно лишь продержаться до вечера, вечером все закончится и станет как раньше.

Глупая мысль, самообман. Вечером я осознала, что как раньше уже не будет. Не будет уютных и веселых вечеров в Верхнем дворце, останется только... одиночество. Чужие и равнодушные люди вокруг, каждому из которых я что-то должна, каждому из которых нужна не я, а госпожа кесарь.

Глупое название. Кесарь – это мужчина, воин, правитель, командующий армией. Мудрец или самодур, транжира или скупец, неважно. Но – мужчина. Я могла вылезать из шкуры, покрываться ржой от усердия, но кесарем для людей останется мужчина на троне, а не девчонка, по недосмотру богов занявшая чужое место. Все победы и достижения неизменно будут приписывать советникам и помощникам, все проблемы – ставить мне в вину. Знала ли я, что так будет? Знала. Была ли к этому готова? Думала, что да, но на деле смирять гордыню и молчать оказалось гораздо труднее, чем я могла

рассчитывать.

Поэтому мне как можно скорее нужно было выйти замуж. Не просто так и Даор, и Ив торопили меня с выбором, но до последнего момента я отчаянно сомневалась и трусила. Это ведь муж. Один и на всю оставшуюся жизнь.

Я не надеялась, что выйду замуж по любви – это недопустимая роскошь в моем положении. Больше, о чем я могла просить богов и на что могла надеяться, – это человек рядом, который не будет мне противен, с которым я смогу найти общий язык. И Идущая-с-Облаками ответила на мою просьбу – не в день представления и венчания, а до этого, явившись мне во сне.

Мой выбор, так шокировавший окружающих, был ее выбором. Нет, она не говорила прямо: выходи вот за этого, а то будет хуже. Но велела выбирать не глазами и не умом, а назвать того, у кого есть сердце. И, судя по словам Халы, по моей просьбе наблюдавшего за кандидатами на эту роль, последним качеством обладали немногие. А из них, увы, больше всего подходил немой альмирец.

Насмешка богов. Я просила того, с кем смогу найти общий язык, а получила немого.

Конечно, я могла выбрать другого, но пришлось поверить Пустой Клетке и положиться на дана, который едва не надорвался ради меня, слушая эмоции и чувства полусотни мужчин. Со слов Халы, Стъэль, искренне пожалевший девочку, на чью голову возложили Шипы-и-Пряжу, оказался самым

искренним из всех.

И вот сейчас я шла с этим чужим, незнакомым человеком, чтобы через несколько минут назвать его мужем. И рядом – никого, способного поддержать, ободрить, сказать теплое слово.

Сказать.

Все подобные мысли чем дальше, тем больше казались мне издевательством. Не скажет, даже если захочет. Потому что немой.

По-хорошему, его высочество принца Стёля не в чем было винить, он вел себя безукоризненно. Был вежлив, предупредителен, сдержан и ничем меня не обижал. Это даже удобно: на словах он не сможет сделать подобного и при большом желании. А для того чтобы обидеть действием и при этом не нарушить закон и правила приличия, надо еще постараться. И ведь даже толкового семейного скандала не получится. Я кричу, а он руками машет и строчит что-то на бумажке – комедия!

Правда, если потом он утомится и перейдет к рукоприкладству, будет уже трагедия. Стёль – высокий и сильный мужчина, которому я дышу в подмышку, он меня с одного удара убьет.

Нет, умом я понимала, что сам Стёль ни в чем не виноват, что он куда больше меня страдает от собственного недостатка и с радостью все изменил бы. Поэтому, конечно, я старалась держать себя в руках, следить за словами, чтобы

ненароком не обидеть будущего мужа каким-то замечанием о его увечье. Даже потихоньку начала учить язык жестов, благо в библиотеке нашлась толстая книга с многочисленными гравюрами. Потому что не дело это – общаться посредством таблички, хотелось бы понимать будущего мужа и так.

Я, конечно, сознавала, что остальные были хуже, что Идущая-с-Облаками не стала бы меня обманывать и что Хала сделал все возможное, а дальнейшее в наших руках. Но...

Мне было страшно. И будущий муж пугал едва ли не сильнее всего прочего.

Да дело было не в самом Стъэле, не в его немоте и внешности: к обезображенному лицу можно привыкнуть, хотя в первые мгновения я и вздрагивала от вида этих шрамов. Меня пугало, что скоро совершенно чужой, незнакомый черно-белый мужчина с вечно хмурым выражением лица и тяжелым взглядом станет моим мужем. То есть самым близким человеком. Мне придется делить с ним постель, учиться мириться с его недостатками, привыкать к его внешнему виду. Было страшно представить, что через несколько минут я окажусь в его полной власти.

На задворках сознания порой вспыхивала здравая мысль, что все это глупости, что принц никакое не чудовище, а даже если муж вдруг попытается сделать что-то плохое, найдется кому за меня вступиться. Тот же Даор или Ив никогда не дадут меня в обиду. Но страха эти мысли не умалили. Страх – и зависти к Железному регенту.

Мне было ужасно стыдно за последнее чувство, но глупо было врать самой себе. Да, я завидовала тому, как Ив смотрел на Рину, как она сияла при взгляде на него. Искра даны сверкала так ярко, что не заметить это мог лишь слепой...

И я отчаянно жалела, что меня к жрецу ведет чужой, холодный незнакомец, по непонятной причине просивший моей руки.

Впрочем, нет, по вполне понятной. В то, что мой будущий муж – Знающий, меня посвятили на следующий день после сговора. Он же сам и посвятил. Честно сообщил, что должен был просить меня о браке, поскольку того хотели боги и это было правильно. Наверное, в тот момент и родилась моя непонятная обида на Стёля.

Глупо. Ну не могла же я всерьез надеяться, что он влюбился с первого взгляда и потому пришел? Не могла. Но так хотелось чего-то кроме долга и обязательств, что бороться с этой обидой не было никаких сил.

С обидой и чувством одиночества. Тоже неправильным, нечестным, надуманным, но оттого не менее острым.

Меня никто не оставлял один на один с проблемами. Больше того, основную их часть взяли на себя те же люди, которые заботились обо мне и остальных детях кесаря всю мою сознательную жизнь. Ив обеспечивал безопасность, именно он и Даор буквально заставили народ принять нежеланного правителя. Если бы не они, представление наследника вполне могло закончиться бунтом, и для всей страны это был бы

крах.

Железный регент и его новоявленная супруга искренне беспокоились обо мне, и Ина Пастушья Свирель тоже старалась поддержать, любую свободную минуту проводила со мной и всячески развлекала.

Но Ив и Рина смотрели друг на друга с такой нежностью, о какой я не могла и мечтать, у Ины был Хала, и я отчаянно злилась на них всех. Презирала себя за это, ругала, корила, но чувства мои были мне неподвластны.

Поэтому я даже рада была отвлечься от личных переживаний на государственные дела. И кажется, показала себя с лучшей стороны, потому что мной был очень доволен Даор, а это высокая оценка.

Большой совет занял весь первый день моего кесарства с перерывом на обед в компании будущего мужа, вымотал меня донельзя, но окончился, кажется, нашей безоговорочной победой. Разумеется, недовольные остались, и Алый Хлыст не собирался расслабляться, да я всерьез и не надеялась на спокойное начало правления. Но мое право на Шипы-и-Пряжу никто не посмел оспорить, ключевые посты сохранили люди, на которых можно было положиться, и теперь недовольным было гораздо труднее что-то испортить. Впрочем, никто не сомневался, что они попробуют.

Я с настороженностью прислушивалась ко всем докладам и сообщениям, со страхом брала в руки каждую новую бумагу, чувствуя, что вот сейчас, именно сейчас произойдет то,

чего мы боялись, и беды посыплются на Вирату градом. Но, видимо, двух дней было недостаточно для того, чтобы принять решительные шаги.

Соседи тоже не спешили доставлять неприятности. Второй день моего кесарства был потрачен – с перерывами на разговоры с Даором и Виго – на прием иностранных гостей. И результаты обнадеживали.

Ламилимал по-претски с неодобрением отнесся к женщине-кесарю, но известие о скорой моей свадьбе примирило его с действительностью, и потому при встрече шах был настроен благодушно. Он пространно и многословно рассуждал о месте женщины, ее роли, долге, достоинствах настоящей жены... Даже не знаю, как я сдержалась. Но зато разговор с претцем заставил меня понять, что не так уж плохо мне живется на моем месте. Потому что мои собственные придворные хоть мысленно и разделяли его точку зрения, но, по крайней мере, держали ее при себе, не пытались поставить меня на место и принудить молчать.

Гроттерия ван Хам с восхищением отнеслась ко мне самой, и общий язык мы нашли быстро. Девушка как раз не одобрила мое поспешное замужество, но мы с ней поплакались друг другу на то, как тяжело жить женщине в мужском мире, и расстались вполне довольные друг другом. Да и посол Ладики оказался очень приятным умным мужчиной, настоящим профессионалом, который и взглядом не намекнул, что недоволен таким собеседником. Поздравил с обоими со-

бытиями сразу, выказал удовольствие Владыки от того, что в Вирате наконец-то появился законный правитель, и выразил надежду на дальнейшее мирное сосуществование.

Капитану Драму мой пол и вовсе был безразличен, к Стёлю он относился с уважением, как к настоящему воину, так что с обоими событиями поздравил вполне искренне. Конечно, сделал он это в свойственной островитянам грубой манере, отпустив пару пошлых шуточек, но разговор с ним был самым простым.

А сегодня настал третий день моего правления, и сегодня я выходила замуж.

Точнее, не день, а поздний вечер. Браки совершаются после заката, в часы Вечного Дитя. В древности, в начале времен, пара соединяла судьбы на алтаре Вечного Дитя самым примитивным способом – соитием. С тех пор люди стали с большим пиететом относиться к происходящему между мужчиной и женщиной, и брачная традиция изменилась: теперь в храме ограничивались только обменом кровью и поцелуем. Но по-прежнему – лишь двое и жрец. В отличие от претцев, мы не делали из свадьбы большого праздника: обряд в храме, иногда – тихий ужин для самых близких, а потом супругам полагалось уединиться на всю ночь. Жрец свяжет наши судьбы только символически, попросит благословения бога, а сама суть обряда оставалась прежней, хотя и перенеслась за двери супружеской спальни.

Вечное Дитя – простой бог. Ему плевать на чувства, для

него важны только желания тела.

Мы остановились у подножия миниатюрной беседки, поднятой на три ступени над узкой дорожкой, вымощенной мрамором. Здесь, посреди небольшой площадки, стояла низкая каменная тумба, на поверхности которой были разложены все необходимые для обряда предметы. Здесь же нас дождался жрец, в своем травянисто-зеленом одеянии почти сливавшийся с садом.

Мы все с ним сливались. Зеленый – цвет Вечного Дитя, поэтому все обряды, связанные с этим божеством, окрашены и украшены именно им. Даже Стъэль был вынужден изменить привычному черному, чтобы уважить бога. Интересно, где он умудрился найти за эти два дня зеленый наряд, сшитый в традициях своей родины?

Жрец, конечно же, знал о том, чьи судьбы ему предстоит объединять. Поэтому нас не просили повторить брачные клятвы, их прочитал сам служитель бога, а от нас потребовалось лишь согласие, которое хмурый Стъэль выразил кивком.

Ритуальный кинжал рассек ладони. Ритуальная зеленая лента связала их, порез к порезу. Ритуальная чаша холодной родниковой воды, разделенная на двоих, стала символом жизни, которая у нас теперь тоже общая.

– Подтвердите поцелуем свою готовность вступить в брак, – велел жрец, забирая у Стъэля чашу.

Я подняла на своего почти мужа взгляд и вдруг как-то осо-

бенно остро ощутила, насколько я в сравнении с ним маленькая.

Мужчина как обычно хмурился, в уголках губ залегла горькая складка. Но взгляд — странно — не был холодным. Я не могла прочесть тех чувств, с которыми смотрел на меня альмирец, но почему-то сейчас стало спокойнее. Он осторожно провел кончиками пальцев свободной руки вдоль моего лица, подцепил за подбородок — аккуратно, но крепко, как будто опасался, что я сбегу. Склонился, на мгновение замер, но потом все же поцеловал. Губы у него оказались сухими, неожиданно теплыми и мягкими.

Светлокожий альмирец выглядел похожим на кусок льда или кварца, и почему-то мне казалось, что он весь должен быть если не холодным, то таким же твердым, как его ладони. Глупо. Откуда столь странные мысли? Он ведь касался губами моей руки, и было это прикосновение таким же мягким и аккуратным...

Нет, не таким же. Сейчас Стъель не стал ограничиваться просто прикосновением, обозначением поцелуя. Осторожно ласкал мои губы своими, пробовал на вкус языком. Дразнил? Звал?

Прикрыв глаза, я сосредоточилась на ощущениях, которые будил первый в моей жизни поцелуй. Приятных ощущениях. Мне нравились эти легкие прикосновения, нравилось тепло, которое растекалось по телу. Нравился уютный, горьковато-хвойный запах его кожи. И я потянулась мужчине на-

встречу – мне тоже хотелось узнать, какой он на вкус и на ошупь.

Ощущения изменились. Странно, но – в лучшую сторону. Поцелуй стал глубже, увереннее, он уже был не просто прикосновением, а чем-то большим.

Стъэль отпустил мой подбородок, его пальцы огладили шею, нежно сжали плечо, по руке скользнули вниз. Ладонь мужчины оказалась на моей талии – уверенная, теплая, тяжелая. Слегка надавила, вынуждая прогнуться, и я для устойчивости ухватила за его плечо.

Эти ощущения тоже были приятными. И когда Стъэль через несколько мгновений прервал поцелуй и огляделся, при этом продолжая меня приобнимать, я не поспешила отстраниться. Впервые за последние дни в моих мыслях о будущем появилась оптимистичная нота. Может быть, этот человек мне пока чужой, но его прикосновения и поцелуи не вызывают отторжения, они приятны и... осторожны.

Я с самого начала надеялась, что альмирец тоже будет настроен договориться, чтобы этот странный скоропалительный брак стал если не счастливым, то как минимум необременительным. И, похоже, надежда эта имела все шансы оправдаться. Хотя бы в том, что касалось плотской части союза, а это огромный плюс, учитывая, что мне как можно скорее нужно зачать ребенка, а в одиночестве это вряд ли получится...

Из глубокой задумчивости меня вывел Стъэль. Он разо-

мкнул объятья, развязал ленту, сплетавшую наши руки, потом прикоснулся к моему плечу и жестом показал на то место, где недавно стоял жрец. Вопрос легко читался в его взгляде.

Все-таки выразительная у альмирца мимика. Если смотреть только на целую половину лица...

– Имеешь в виду, куда он делся? – уточнила я и пояснила после кивка, едва сдерживая улыбку: – Ушел, чтобы не мешать. Похоже, серьезность наших намерений не вызвала у жреца сомнений, и он решил не стеснять нас своим присутствием, если вдруг мы соберемся продолжить и подтвердить брак по древней традиции, – я выразительно кивнула в сторону алтаря, расположенного внутри беседки у подножия статуи бога.

Выражение лица Стёля стало изумленно-растерянным, и я все же не удержалась и хихикнула.

– Иногда находятся желающие, и служители бога только поощряют подобное. Говорят, под алтарем для этого специально кладут свежую простыню...

Мужчина уставился на меня вовсе уж недоверчиво, растерянно покосился на алтарь.

– Пойдем, посмотрим, мне тоже любопытно, – решила я и потянула его в беседку.

В нише под алтарем обнаружилась не только простыня, но и толстый ковер, который, вероятно, предполагалось стелить на холодный мрамор, чтобы подтверждение брака соверша-

лось ко всеобщему удовольствию и без вреда для здоровья.

– Вообще, считается, если сделать все здесь и сразу после церемонии, то брак будет более счастливым и плодотворным, – рассеянно заметила я, с сомнением разглядывая простыню. – Суеверия, конечно. Но может, в этом и правда что-то есть? И стоит потерпеть для дела? – пробормотала совсем уж нехотя. Божественное благословение, конечно, очень нужная вещь, но...

К счастью, за меня все решил мужчина. Сунул ковер на место, отобрал у меня простыню и с явным раздражением затолкал ее в ту же нишу, после чего с хмурым решительным видом потянул меня прочь от беседки, к выходу из храма. И у меня против воли вырвался вздох облегчения. Конечно, можно было потерпеть, но не очень-то хотелось: и без того было боязно, а здешнее окружение тем более не располагало к близости. Хорошо, что не только меня.

Немногочисленные сопровождающие ожидали нас в специальном проходном павильоне – единственном входе в обнесенный высоким забором сад-храм. Обошлось без неуместных сейчас поздравлений, но улыбки были вполне искренними. Хала, впервые с представления выползший из своей берлоги, внимательно осмотрел нас обоих и удовлетворенно кивнул: кажется, то, что он увидел, Пустой Клетке понравилось.

Храм Вечного Дитя, в котором проходило таинство, был ближайшим ко дворцу из всех храмов Вира, так что путь и

к нему, и обратно мы предпочли проделать пешком, тем более вечерняя прохлада располагала, а множество фирских огоньков, освещающих дорогу, позволяли мне не бояться.

Со страхом темноты я познакомилась давно, еще в детстве, когда по нелепой случайности оказалась заперта в крошечной каморке, где хранились щетки и прочие хозяйственные принадлежности, и просидела там несколько часов, пока меня наконец не нашли. Когда выяснилось, что эта мелкая неприятность имела последствия, меня, конечно, быстро вылечили, казалось – насовсем.

А вот три дня назад, после представления, страх неожиданно вернулся. Я понимала, что держать подобное в себе глупо, нужно рассказать тому же Хале и избавиться от этой досадной неприятности. Но Пустая Клетка приходил в себя после представления, и беспокоить его не хотелось, так что я решила перетерпеть несколько дней. Можно было, конечно, поговорить с кем-то еще, с тем же Ивом или Риной, которая как раз осваивала свой дар лекаря душ, но... Глупо, но я стеснялась. Признаваться в слабостях и страхах Хале было просто: он старый, мудрый и при желании безо всяких признаний видел всех насквозь. Откровенничать же с кем-то еще – значило жаловаться и проявлять слабость, то есть было недостойно кесаря. А во мне и так недостает тех достоинств, которые полагается иметь на этой должности.

Сохранить обряд в тайне никто не пытался, поэтому обитатели Нижнего дворца спешили засвидетельствовать почте-

ние. Не мне – своему новому правителю. Неизменно хмурый Стёль резкими отрывистыми кивками и равнодушием встречал расшаркивания тех, кто четыре дня назад демонстративно не замечал существования принца-затворника. Лицо его было спокойным, и я пожалела, что не являюсь человеком Искры и не могу понять, о чем он думает и как относится к происходящему.

Нас проводили до покоев и тактично, без лишних слов и глупых напутствий, оставили наедине.

Спиной ощущая, что мужчина бесшумной тенью следует за мной, я решительно прошла прямо в спальню – и в растерянности замерла посреди комнаты. Решимости моей хватило ровно до этого места, а вот что делать дальше, я не имела ни малейшего понятия. Раздеться? Просто сесть на кровать? Или сначала нужно все-таки сходить в ванную?

В смятении я медленно обернулась к мужчине и с надеждой уставилась на него, не понимая, что говорить и стоит ли вообще это делать. Подробностей личной жизни Стёля я не знала, только всевозможные слухи, но и поведение альмираца, и эти самые сплетни давали понять, что опыта у него заметно больше моего. Сказать-то он мне ничего не способен, но, может, хоть жестами объяснит, что нужно делать?

Командовать мужчина не спешил. Стоял в паре метров от меня, у входа, и глядел задумчиво, испытующе.

– Что теперь? – наконец нарушила я повисшую тишину. Голос прозвучал глухо и нетвердо, я торопливо облизала пе-

ресохшие губы.

Стъель приблизился. Костяшками пальцев медленно очертил мою скулу, спустился к шее. Обеими руками огладил плечи, положил ладони мне на талию. Несколько мгновений стоял неподвижно, потом аккуратно расстегнул пряжку моего пояса.

Я вздрогнула. Он нахмурился. Опять, как в храме, бережно подцепил меня кончиками пальцев за подбородок, коснулся губами губ. Это прикосновение уже было знакомо, тут я знала, чего ожидать, поэтому на поцелуй ответила сразу. Но, почувствовав, как ладони мужчины скользят уже по моей коже под туникой, против воли напряглась и замерла, хотя ощущение не было неприятным, даже наоборот.

Замер и мужчина, прервал поцелуй, опять окинул меня задумчивым взглядом. Глубоко вздохнул, кажется, стиснув зубы.

– Извини, я... – начала я смущенно, но альмирец накрыл мои губы ладонью, призывая к молчанию, и качнул головой, даже пальцем погрозил.

Отстранился, развязал шейный платок, расстегнул темно-зеленый камзол и бросил его на сундук, оставшись в черной рубашке с широкими рукавами на манжетах. Тонкая ткань обрисовывала широкие плечи. Внимательно наблюдая за мной, Стъель расстегнул манжеты, развязал ворот рубашки, рывком стянул ее через голову, оставшись в одних штанах.

Шрамы у него, как оказалось, имелись не только на лице. Пересекали ребра, грудь, а на плече и вовсе, похоже, был вырван кусок плоти. Все-таки красивый мужчина... был, до встречи с медведем. Кажется, прежде он был брюнетом – судя по черным бровям и ресницам. Наверное, грива его побелела тогда же, когда кожу расчертили шрамы.

Альмирец на мгновение замер, а потом вдруг решительно направился к стене и протянул руку к управляющей панели, явно намереваясь погасить фирские огни, освещавшие комнату.

– Нет! Стой! – воскликнула я, даже сделала шаг в его сторону. Стоило представить, что сейчас комната погрузится во мрак, и признание в собственной слабости показалось совсем не таким страшным. – Пожалуйста, не гаси свет, – попросила я в ответ на вопросительный взгляд мужчины. – Я... боюсь темноты. То есть в детстве боялась, потом меня вылечили, но пару дней назад это опять началось. Я просто не успела обратиться к данам, но завтра обязательно! – затараторила я и облегченно вздохнула, когда Стъэль отвел руку от панели.

Еще несколько мгновений мужчина хмуро разглядывал меня, а потом вдруг лицо его посветлело, губы изогнулись в улыбке, и альмирец широким шагом пересек комнату, направляясь в ванную.

– Ты чего? – растерянно окликнула его, но тот лишь отмахнулся и исчез за дверцей.

Несколько мгновений я стояла посреди комнаты в полной растерянности, не понимая, что случилось и куда мужчина так радостно убежал. Почему-то варианты в голову лезли только смешные, нелепые или обидные.

Правда, долго мучиться неизвестностью мне не пришлось, Стёль вернулся буквально через несколько секунд со стеклянным фиалом в руке, в каких хранились ароматические масла.

– Это зачем? – проговорила я потрясенно.

Мужчина поставил свою добычу на ближайший сундук, после чего решительно подошел ко мне, быстро и деловито снял с меня одежду, не расстегивая фибулы, потом с тем же спокойным проворством – нижнее белье. Я настолько растерялась от его поведения, что даже забыла смутиться, а мужчина, бросив тунику на другой сундук, взял фиал и легонько подтолкнул меня в сторону кровати, жестами веля лечь. Я послушалась, настороженно глядя на альмирца.

Он тяжело вздохнул, соорудил какую-то непонятную гримасу и бесцеремонно принялся укладывать меня так, как ему требовалось. От первого рывка я сдавленно охнула – это было не больно, но уж очень неожиданно. В конце концов меня уложили поперек кровати на живот, потом альмирец снял с меня сандалии и некоторое время чем-то шуршал. Обернувшись через плечо, я обнаружила, что он разувается сам.

Кровать негромко скрипнула, принимая на себя дополнительный немалый вес, и мужчина устроился сбоку от меня на

коленях, отсев на пятки. По комнате поплыл нежный запах розового масла, когда его капли упали мне на спину, а потом ладони мужчины скользнули по моей коже, распределяя драгоценную жидкость, и я наконец сообразила, что Стъэль собирается делать.

– А зачем это? – приподнявшись, полюбопытствовала я. Муж соорудил недовольную гримасу и молча прижал мою голову к постели – аккуратно, но настойчиво.

Намек был понятен, и я решила полностью довериться альмирцу. В самом деле, ему виднее, что нужно делать, а что – нет.

Прикосновения мужчины были уверенными, ладони – теплыми и сильными, и вскоре я уже полностью расслабилась, прикрыв глаза и наслаждаясь ощущениями. Стъэль аккуратно, уверенно разминал мне плечи и руки, спину, поясницу. Когда ладони его спустились к моим бедрам, я на мгновение напряглась, но быстро успокоилась – это был всего лишь массаж. Легкий, расслабляющий, осторожный. Не знаю, где мой муж этому научился, но получалось у него ничуть не хуже, чем у специально приглашенных для этого профессионалов.

Или даже лучше, потому что все прошлые разы с искусством массажа меня знакомили женщины, прикосновения же мужчины оказались... совсем другими. Кожа его ладоней была грубой, шершавой, я ощущала твердые оружейные мозоли, они немного царапали, но все равно это было приятно.

Приятней, чем гладкие ладони опытных массажисток.

Разомлев, я даже не заметила, в какой момент Стъэль, не прерываясь, распустил мою прическу. Сильные пальцы осторожно массировали кожу головы, и я почувствовала, что готова замурлыкать.

Не протестовала я и тогда, когда мои глаза закрыла темная повязка – кажется, шейный платок мужчины. Если он считает, что так правильно, то зачем спорить? Эта, искусственная, темнота совсем не пугала.

Больше того, я вдруг поняла, что она обостряет все ощущения. Казалось бы, те же самые прикосновения, но тело на них реагировало уже иначе. Если до сих пор я просто наслаждалась чувством расслабленности, то теперь оно уступило место чему-то другому. Теперь по коже пробежали мурашки, сердце вдруг начало стучать быстрее, а внизу живота собиралось тянущее приятное тепло.

А впрочем, в повязке ли дело?

Осознание пришло с опозданием, когда осторожные прикосновения пальцев сменились нежными касаниями губ. Стъэль уже не только и не столько массировал, он ласкал. Точно так же неторопливо и обстоятельно, бережно. Он будто знакомился, изучал, наблюдая за моей реакцией – и приучая к своим прикосновениям.

Последняя мысль напугала, захотелось отстраниться и стащить повязку, но я этого не сделала. Приподняться, двинуть рукой – все эти усилия казались сейчас за пределами

ми. Разнежившееся, расслабленное тело не желало повиноваться, и мне не хватило воли заставить его. Слишком хорошо было вот так лежать, млея от ласк. Страхи и тревоги буквально вязли в наполнявшем меня блаженстве и не могли всерьез на что-то повлиять.

А вскоре они и вовсе растаяли, как растаял и испарился куда-то весь большой мир с его проблемами, долгами и обязательствами. Не осталось образов, не осталось звуков, только дурманивший запах розового масла, теплые ладони, нежные губы и дразнящие прикосновения языка. Смущение тоже осталось где-то там, за пределами моего тела, послушно отзывающегося на каждое касание.

Я не вспомнила о том, что рядом почти незнакомый мне человек, даже тогда, когда Стъэль осторожно перевернул меня на спину.

Я не вспомнила о повязке на глазах, когда мои пальцы цеплялись за плечи мужчины, а он покрывал поцелуями мою шею и грудь.

Я не вспомнила о стеснении даже тогда, когда ладонь альмира двинулась вверх по внутренней стороне моего бедра, и лишь развела колени шире, полностью отдаваясь ощущениям, которые будили во мне уверенные прикосновения его пальцев. Охнула от неожиданности и выгнулась всем телом, когда один из них оказался во мне. Инстинктивно подалась бедрами вперед, стремясь вобрать глубже, и закусила губу, растворяясь в тянущем, сладком предвкушении.

Вскоре желание уже стало не столько сладким, сколько мучительным. Я металась на постели и стонала, ощущая, как внутри сжимается тугая пружина, и в голос умоляла, не зная толком о чем. Освобождение пришло вскоре – яркая вспышка удовольствия, растекшаяся по телу от того места, где меня касались пальцы мужчины. Я выгнулась всем телом, вновь цепляясь за его плечи.

Стёль накрыл мои губы своими в глубоком, жадном поцелуе, и я ответила со всем жаром, на какой была способна, не зная, как еще поблагодарить его за эти удивительные, сладкие ощущения.

Несколько мгновений передышки, и я вдруг поняла, что это совсем не конец. Мужчина продолжил ласкать меня, и ощущение оказалось настолько острым, что я дернулась, ухватила за его запястье, пытаюсь оттолкнуть ладонь. Альмирец послушался, но, как оказалось, ненадолго – только для того, чтобы перехватить обе мои руки своей и прижать к кровати над моей головой.

– Стёль, но... – жалобно пробормотала я, даже толком не зная, что хочу сказать. Да мужчина и не позволил мне продолжить; поцеловал, заставляя замолчать, и возобновил прерванную ласку.

Я совершенно потеряла счет времени и забыла, где нахожусь. Задыхалась от наслаждения, изгибаясь в руках мужчины, звала его по имени, стонала, срывая голос.

Потом мужчина лег сверху, вжимая меня в простыни, и я

с готовностью обхватила его ногами за талию. В первый момент даже не поняла, что руки мои свободны, а когда сообщила – не подумала, что могу снять повязку. Вместо этого, пока Стёль вновь покрывал поцелуями мою грудь, я на ощупь распутала ленту, удерживающую его гриву, и с удовольствием запустила пальцы в густые жесткие пряди, концы которых щекотали мою кожу.

Если боль и была, то она быстро потерялась в других, приятных ощущениях. В горячий и влажный от пота коже мужчины, которую я исступленно гладила, не обращая внимания на шрамы. В его упоительном горьковато-хвойном запахе, который мешался с висящим в воздухе нежным ароматом розового масла и совершенно сводил с ума. В хриплом рваном дыхании, которое щекотало мою шею. В мерном ритме движений, от которых внутри нарастало напряжение, каждое из которых как будто вздымало меня все выше и выше, чтобы, на миг удержав на вершине, опрокинуть в бездну чувственного удовольствия. На какое-то мгновение не стало ничего – мира вокруг, запахов, звуков, меня самой, осталось только пронзительно-острое наслаждение, затопившее разум.

Очнулась я, лежа на груди мужчины, ощущая, как он медленно, ласково гладит меня по голове и плечам, и несколько мгновений не могла понять, на каком вообще нахожусь свете. По телу разливалась свинцовая тяжесть, сил шевелиться не было совершенно. Какое-то время я неподвижно лежала,

наслаждаясь прикосновениями своего – теперь уже совсем – мужа. Потом все-таки собралась с силами и завозилась, приподнялась на локте, стащила повязку с глаз и, щурясь от света фирских огоньков, настороженно уставилась на альмирца.

– Я что, потеряла сознание? – спросила смущенно. И неизвестно, что вызывало во мне большее смятение: то ли то, о чем я спрашивала, то ли сам голос – сиплый, сорванный. Когда мужчина в ответ кивнул и как-то неопределенно пожал плечами, пробормотала: – Извини, я как-то не ожидала, что... Что я смешного сказала?

Он мотнул головой, приподнялся, чтобы дотянуться до моих губ. Поцеловав же, увлек за собой, вновь укладывая меня на место и глядя по голове. Но на этот раз я не поддавалась, вывернувшись и опять выразительно уставилась на него.

– Хочешь сказать, так обычно и бывает? – проговорила недоверчиво. Стёль опять неопределенно пожал плечами и покрутил ладонью в воздухе, потом поморщился и опять попытался меня уложить, но я снова воспротивилась. – То есть такое случается не всегда, но иногда? А почему? – полюбопытствовала я, когда в ответ на первый вопрос он кивнул. Мужчина скривился, шумно вздохнул и, зажмурившись, несколько раз выразительно стукнулся затылком о постель. – Прости, я понимаю, что ты не можешь объяснить, – пробормотала я, опомнившись. – Просто мне кажется, было бы странно задавать такие вопросы кому-то еще. То есть Ив или Хала, думаю, ответят, но мне как-то не хочется их

пугать. Вдруг... ну что опять?! – вздохнула я, потому что Стёль опять затрясся от смеха. Вместо ответа мужчина рывком повернулся набок, опрокидывая меня на постель, жестом показал, что что-то пишет, а потом замахал рукой, показывая куда-то вдаль. – Имеешь в виду, что ты объяснишь мне завтра? Спасибо, – обрадовалась я, когда он торопливо закивал. – А вообще надо поскорее учить этот ваш язык жестов. Я начала, но много ли успеешь за два дня?

Он несколько мгновений недоверчиво, изумленно смотрел на меня, после чего очень осторожно, нежно поцеловал – сначала в губы, а потом почему-то в лоб. И я почему-то очень смутилась, и тихо, нехотя пробормотала:

– Наверное, перед сном нужно в ванну, да? То есть я чувствую, что надо, но не вполне уверена, что хочу...

Стёль засмеялся, насмешливо качнул головой, потом сел, легко подхватил меня на руки и двинулся в нужном направлении.

Пристроив голову на его плече, я задумчиво разглядывала резкие белые полосы шрамов, спускавшиеся из-под повязки на щеку. Кажется, даны действительно постарались на славу, потому что... если подумать, они выглядели совсем не так жутко, как могли бы. Наверняка края порезов стянули, и потому остались лишь четкие, в полсантиметра шириной полосы. Достаточно аккуратные, к слову.

Стёль поставил меня в ванну, а я, задумавшись, не спешила выпускать его плечо и рассеянно провела кончиком

пальца по одному из шрамов. Кожа на ощупь оказалась плотной, твердой, резко отличавшейся от здоровой. Мужчина вздрогнул от прикосновения и отстранился, смерив меня тяжелым взглядом.

– Больно? – виновато предположила я. Он в ответ выразительно скривился, тряхнув головой, и явно вознамерился уйти, оставив меня одну. Я успела перехватить его за локоть и торопливо проговорила: – Не уходи! Прости, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть... Я не думала, что их нельзя трогать. Если не хочешь, больше не буду.

Он уставился на меня с каким-то непонятным выражением лица – не то растерянным, не то недоверчивым, не то раздраженным, – сделал несколько быстрых жестов, но потом вспомнил, что я не понимаю, соорудил то ли недовольную, то ли отчаянную гримасу, стиснул кулаки и сжал зубы. Было видно, что собственное бессилие и невозможность сказать то, что нужно, выводят его из себя. А я молчала, потому что понимала: любые слова утешения будут неуместны и сделают только хуже.

Несколько мгновений мы так и простояли – я в ванне, Стёль рядом. Я продолжала обеими руками крепко сжимать его локоть, чувствуя, что, если отпущу, он непременно уйдет, и это будет... плохо, неправильно.

Наконец, сбросив оцепенение, я потянула мужчину к себе. – Иди сюда. А то вдруг я одна опять потеряю сознание и утону? Как ты Иву в глаза потом смотреть будешь? – про-

бормотала со смешком.

Стёль в ответ нервно усмехнулся, состроил какую-то вымученную гримасу, но вырваться не стал и все-таки забрался ко мне. Перехватив его за запястье одной рукой, чтобы вдруг не передумал, я открыла воду и потянула мужчину за собой вниз. Он сел рядом, справа от меня. Я проявила упорство и в итоге уселась боком между его широко расставленных ног – так, чтобы видеть лицо целиком. Сама потянулась к его губам, целуя, отвлекая от мрачных мыслей.

Через пару мгновений мужчина все же сдался и ответил на поцелуй.

Когда вода, наполняя ванну, добралась до ребер, я немного отстранилась, опять упрямо провела кончиками пальцев по шрамам. А потом, набравшись решимости, рывком содрала с него повязку и отшвырнула в сторону. Мужчина тут же прикрыл глаз ладонью и уставился на меня каким-то совершенно больным, затравленным взглядом. Но, по крайней мере, не сделал попытки уйти.

Глубоко вздохнув, я осторожно коснулась его руки губами и, немного отстранившись, заговорила, тщательно подбирая слова.

– Стёль, мне... мне всего семнадцать. Всю жизнь я провела в Верхнем дворце, под крылом у заботливых нянек, рядом с людьми, которые всегда готовы поддержать и помочь. Наверное, я очень многого не знаю и не понимаю в этой жизни. Или понимаю неправильно. Может быть, я не права и

сейчас, но ты теперь мой муж перед богами и людьми. Надолго или нет, я не знаю, но, по крайней мере, до смерти одного из нас. Я знаю, что в Альмире, бывает, супруги живут в разных комнатах. В Прете они живут еще и разными жизнями и встречаются очень редко. Может быть, это нелепо и слишком самонадеянно, и я совсем тебя не знаю, мы знакомы всего три дня, и вообще я глупый избалованный ребенок и не знаю жизни. Но я не хочу, чтобы у нас с тобой было вот так. И я не хочу, чтобы мы друг от друга прятались. Это... глупо, – выдохнула я и на мгновение замолчала, переводя дух и наблюдая за мужчиной. Он по-прежнему хмурился, но уже не выглядел таким обреченным, и я продолжила: – Неужели ты настолько плохого обо мне мнения, что думаешь, будто из-за этих шрамов я буду хуже к тебе относиться? Нет, конечно, глупо говорить, что они меня совсем не беспокоят. Ты сам прекрасно знаешь, что это некрасиво, что оно неприятно выглядит. Но, в конце концов, я уже приняла тебя таким. Если бы ты не пришел тогда просить моей руки, я бы сама пошла договариваться о браке именно с тобой. Не потому, что ты молодой и сильный, а Вирате как можно скорее нужен здоровый наследник. Нет, то есть, конечно, и поэтому тоже, но главное... Ты первый отнесся ко мне по-человечески. Искренне и глубоко пожалел девчонку, которая по долгу крови должна была принять Шипы-и-Пряжу и не могла отказаться. Я специально попросила Халу смотреть, кто и как отреагирует в первый момент, он едва не надорвался из-за этого, –

призналась негромко. – Мне очень, очень страшно от того, что происходит вокруг и свалилось на меня. И меньше всего мне хочется, чтобы к этим большим общим проблемам добавлялись еще и личные. Может, я слишком оптимистична, но мне все-таки хотелось бы, чтобы наш брак был... если не счастливым, то хотя бы спокойным.

Я не заметила, в какой момент настроение мужчины переменялось, но к концу моей прочувствованной речи он уже насмешливо ухмылялся, потом неопределенно качнул головой, все-таки убрал руку и легонько щелкнул меня по носу.

В общем-то, я поняла, почему он сопротивлялся. Если сами шрамы казались достаточно ровными и аккуратными и привыкнуть к ним казалось несложно, то часть лица, обычно закрытая повязкой, выглядела откровенно... гадко. Но я все-таки заставила себя коснуться губами обезображенной щеки и тихо выдохнула:

– Спасибо.

Стёль в ответ резко потрянул головой и вдруг крепко, до боли стиснул меня в объятьях, прижавшись щекой к моей макушке. И в этот момент я отчетливо поняла, что Идущая-с-Облаками не подшутила, а дала мне правильную подсказку. У нас с немим альмирцем действительно есть очень хороший шанс договориться, главное только – правильно им воспользоваться.

И после этого силы оставили меня окончательно. Нет, я не теряла сознания, просто уснула, разнежившись в теплой воде

в руках мужчины, и на все его попытки меня разбудить реагировала недовольным ворчанием и попытками свернуться калачиком – то у него на груди, то на полу ванны. Впрочем, Стёль не слишком-то усердствовал.

Единственный раз я совершенно проснулась: когда мужчина уложил меня в постель и вдруг исчез, а через пару мгновений комната погрузилась в темноту. Я встревоженно приподнялась на кровати, окликнула его по имени, вслушиваясь в тишину спальни и чувствуя, как отчаянно-торопливо колотится в груди сердце. Когда кровать скрипнула и Стёль обхватил меня одной рукой, привлекая к себе, я сначала от неожиданности дернулась и даже вскрикнула, но потом пришло узнавание. Смешно, но опознала я мужа по запаху, от которого одного вдруг стало спокойнее.

Зажмурившись, я крепко прижалась к мужчине, уткнулась лицом в грудь, прячась в этом запахе, в тепле его тела, в его крепких объятьях, и, к собственному удивлению, быстро успокоилась под ласковыми прикосновениями мужа, гладившего меня по спине. Не хватало только тихого шепота, уверяющего, что бояться нечего и все в порядке, но и без этой детали стало хорошо. И страх отступил безо всяких данов.

Конечно, я не целитель, но, кажется, я поняла почему. Если вернулся он с ощущением одиночества и отрезанности от мира, то теперь, когда эти чувства отступили, было самое время сгинуť и страху. Наверное, завтра все будет уже не так радостно, но это будет завтра. А пока мне хорошо и спо-

койно и совсем не хочется задумываться о будущем.

Глава 2. О новых ролях

Стъэль Немой

Первое время собственная «избранность» не доставляла мне серьезных проблем. Ехать в Вирату совсем не хотелось, я слишком привык к той тихой норе, в которой провел последние годы. Но эта поездка была по факту довольно необременительной и шла на пользу всем, удачно совпав с представлением наследника и болезнью отца. Не могу сказать, что последняя меня радовала, но...

Впрочем, нет, как ни стыдно в этом признаваться, но я был мелочно рад, что Его Величество Фергр, король Альмиры, находится при смерти. И злорадствовал, издали наблюдая за тем, как младшие братья делят трон еще при его жизни. Молча, разумеется; что мне еще оставалось? В этой связи оказаться подальше от родной страны было большой удачей. Вираны, конечно, – достаточно дикие нравом существа, но чужая страна все-таки предпочтительней навязчивых мыслей о том, кто из младших решится первым и отправит меня на Железные облака.

Поначалу меня беспокоила даже не предстоящая встреча с дикими южными нравами, но просто звуки голосов вокруг. Несколько лет, проведенных в уединенном храме Немого-с-Лирой, где услышать человеческую речь было в диковинку, сделали свое дело, и поначалу я вздрагивал каждый раз, ко-

гда кто-то окликал меня по полузабытому уже имени. Но дорога помогла вновь привыкнуть к обилию звуков, и в Вир я прибыл вполне подготовленным.

Нравы Нижнего дворца, где разместили всех гостей, тоже не стали откровением. С десятков лет назад я уже бывал здесь, тогда еще наследником престола, и тогда нашел подобное даже забавным. За это время не изменилось ничего, кроме меня самого, и здешняя распущенность вызывала теперь лишь гадливость, которую я вежливо держал при себе. Для того чтобы не сталкиваться с неприятными сторонами местной жизни, достаточно было лишний раз не покидать покои, что я и делал.

Разговор с безумным регентом также не потребовал особенного напряжения душевных сил. Читать в душах я умел весьма посредственно, поэтому хоть и ощущал себя рядом с этим человеком неуютно, но иные вполне здоровые люди вызывали у меня гораздо большую неприязнь.

Даже представление наследника... то есть, конечно, наследницы, и ее венчание на трон прошли спокойно и незаметно. Единственно, девчонку, на голову которой возложили странную местную корону, стало по-человечески жалко: она выглядела насмерть перепуганной и настолько потерянной, что только слепой мог этого не заметить, а я, к счастью, зрение потерял не до конца. Я мысленно пожелал ей душевных сил и спокойного правления, после чего с чистой совестью выкинул из головы.

Торжество, праздничная суета – все это осталось позади, и я преспокойно вернулся в отведенные мне хозяевами покой сразу после ухода с праздника новоявленной правительницы, с намерением в этих стенах провести оставшиеся до отбытия дни.

Наивно.

Новое озарение пришло, когда я коротал вечер с книгой, взятой в местной библиотеке. Несколько мгновений я сидел неподвижно, полностью дезориентированный, и пытался осознать видение. А потом еще несколько минут боролся с желанием не то побиться головой об стену, не то... не знаю, хотя бы швырнуть в эту самую стену книгой! Появилось устойчивое ощущение, что боги издеваются.

Мне. Свататься. К этой девчонке, которая в два раза моложе меня. У которой, несмотря на все ее страхи, впереди вся жизнь и, надо думать, огромный выбор совершенно нормальных женихов. Причем я должен не просто прийти и попросить ее руки, но еще как-то убедить в том, что для блага всего мира она обязана согласиться.

Большим идиотом я не чувствовал себя, пожалуй, никогда. Зачем ей я? Зачем она мне? Я надеялся вернуться обратно в привычную тихую нору, к ставшему привычным затворническому образу жизни среди людей, с которыми мог нормально общаться, без этой идиотской дощечки и куска мела. И совершенно точно не собирался связывать свою жизнь с этой дикой южной страной.

Я был так уверен в отказе, что бесцеремонно заявился к женщине прямо сразу после божественного откровения и только потом сообразил, что это было, мягко говоря, невежливо.

И каково же было мое изумление, когда она вдруг без раздумий согласилась! Больше того, настояла на как можно более скором обряде.

Два года я учился жить заново, искал новый смысл и новое место, мирился с собственной ролью изгоя, отшельника. Привык, освоился, научился видеть хорошее и еще три года жил... если не счастливо, то по меньшей мере спокойно.

А теперь мне дали два дня, чтобы все вернуть. Два ржавых дня, за которые нужно было принять необходимость снова жить среди людей, снова слушать шепотки и ловить косые взгляды, запрещать себе злиться на себя самого и окружающих за то, что я не могу с ними нормально объясниться.

Два проклятых ржавых дня на то, чтобы вспомнить все, чему я учился пять лет назад. Потому что я точно знал, что требуется от меня не просто пройти обряд и забыть все это как страшный сон. Немой-с-Лирой считал, что я должен встать рядом с этой девчонкой и помочь ей с ее ношей.

Шутка богов? О нет, по-моему, это уже в полной мере издевательство!

Но больше всего меня интересовал ответ на вопрос, почему Тия Дочь Неба согласилась на мое нелепое предложение. Спросить напрямую было бы грубостью. То есть, конечно,

можно облечь этот вопрос в такие слова, чтобы результат получился приемлемой тактичности, но проблема оставалась все та же: облечь я мог, а вот сказать... Требовалось сочинить обстоятельное, приличной длины письмо, и это уже казалось форменным идиотизмом. Да и возможности для спокойной личной беседы у нас не было, с того вечера мы виделись всего пару раз по часу.

И мне оставалось только гадать. Стоит ли уточнять, что предположения эти были сплошь нелестными?

Впрочем, я отдавал себе отчет, что ищу изъясн в госпоже кесаре просто для собственного успокоения. Разумный вариант виделся всего один – ее к этому шагу подтолкнули все те же боги. И в этой связи девочку оставалось вновь пожалеть, потому что мне-то в жены доставалась хотя бы молодая красивая женщина, которую я и пять лет назад почел бы за удовольствие назвать своей, а вот ей в мужья – обозленный на весь мир калека-затворник.

Признаться, поглощенный мрачными мыслями, я совершенно забыл о том, что брак – это в первую очередь не деловое партнерство, а союз мужчины и женщины. То есть, ржа меня побери, постель, которую нам предстояло делить. И если поначалу я еще мог сомневаться в добродетельности собственной невесты, то все сомнения отпали, стоило нам оказаться наедине в спальне.

И это был второй раз за последние три дня, когда я почувствовал себя круглым, законченным идиотом.

Ржа меня побери. Пять лет. Пять ржавых лет я не был с женщиной. Я сам себе был противен, и какое уж тут удовольствие, когда каждую секунду ждешь увидеть в глазах партнерши не ответное желание, а затаенное отвращение!

А эта девочка смотрела на меня не то что без брезгливости, но с такой надеждой и безоглядным доверием, что делалось не по себе. Она, ржа меня побери, с такой покорностью и достоинством принимала возложенную на нее богами ношу, что я чувствовал себя не только дураком, но еще и трусливым ничтожеством. Пришлось срочно брать себя в руки и вспоминать, что я вроде как пока еще мужчина, чтобы не обидеть ее еще и в этом.

Вспомнил. Да так, что сам на время забыл, кто я и где нахожусь.

Только на этом сюрпризы вечера не закончились, и новоявленная жена раз за разом ставила меня в тупик своим поведением, заставляя смотреть на нее с недоумением и раз за разом недоверчиво спрашивать себя, за какие заслуги – прежние или будущие – меня наградили таким необычным созданием. Парадоксальным, пугающим сочетанием в себе несочетаемого.

Как в одном существе может уживаться такая наивная, совершенно детская непосредственность и искренность, мудрость и хитрость прирожденного стратега? Она безо всякой задней мысли и стеснения расспрашивала меня о постельных удовольствиях. В то время, пока я жалел себя, начала

учить язык жестов, чтобы не испытывать трудностей в разговоре со мной. Легко и изящно добивалась желаемого; одна только прочувствованная речь по поводу моей проклятой повязки чего стоила! Я сразу не понял и только под конец сообразил, что меня смущает в ее словах: это были слова не семнадцатилетней девочки, а очень умного и взрослого человека, прекрасно разбирающегося в людях и знающего, как добиваться от этих людей желаемого.

Я плохо помнил себя в ее возрасте, но я точно был значительно глупее.

А еще она боялась темноты. Искренне, по-настоящему, я это видел. И боялась она ее заметно сильнее, чем моей искореженной физиономии. Не то чтобы было сложно в это поверить, но... Я вообще не ожидал от близкого знакомства с ней ничего хорошего, поэтому не удивительно, что меня ставила в тупик каждая мелочь.

Я был готов, если она не успокоится, встать и зажечь фирские огни обратно, но женщина вновь удивила: она доверчиво прижалась ко мне, видимо, спрятавшись таким образом от темноты, и очень быстро опять затихла. И видеть такое слепое доверие буквально с первого взгляда было странно. И я, конечно, вновь искал подвоха.

Лежал на боку, ощущая на груди теплое щекочущее дыхание, поглаживал кончиками пальцев спину женщины и, пытаясь в темноту, пытался понять: откуда ждать неприятностей? Ну, кроме необходимости вновь учиться жить среди

людей.

Она ведь не врала и не играла. Я видел это, ощущал Искрой, понимал, что в семнадцать лет невозможно научиться так профессионально, уверенно лгать, не выдавая себя ни взглядом, ни жестом. Да и характер, который я видел, был слишком сложным, слишком многогранным и пестрым, чтобы оказаться маской. Чтобы ввести в заблуждение, можно было придумать что-то проще и убедительней, и я бы принял любой образ.

Да и смысла вот так изгаляться ради меня одного я не видел. Ну в самом деле, пять лет не был никому нужен, а тут вдруг понадобился, да еще вот так! И богам я зачем-то понадобился именно здесь, именно в этой роли. Что, их теперь тоже подозревать в заговоре против себя любимого? Ну чушь же!

Но поверить в искренность Тии все равно было труднее, чем продолжать упрямо противоречить здравому смыслу.

Впрочем, немного покопавшись в себе – а в этом искусстве я за годы отшельничества достиг высокого мастерства, – я пришел к выводу, что дело не в данной конкретной женщине: на ее месте могла оказаться любая другая, и я все равно искал бы, за что уцепиться.

Просто меня бесила бесцеремонность, с которой за пару дней решилась моя судьба. И жгла обида, что единожды меня уже выдергивали из привычного и понятного мира, но стоило мне научиться жить с предыдущей «милостью» богов, как

все вновь поменялось. Меньше всего в этом была виновата Тия, но под рукой больше никого не было. Оставалось надеяться, что я на нее не сорвусь.

А с другой стороны... Наговорить гадостей в моем положении очень трудно, для этого надо сильно постараться. Обидеть же ее как-то еще у меня не поднимется рука. И речь даже не о применении силы в прямом смысле – до такого я и в худшие дни не опускался и надеялся, что никогда не опущусь, – а о более безобидных вещах. Например, о том, чтобы сохранить дистанцию, отгородиться от нее и оттолкнуть. Я злился, но отчетливо понимал, что у меня не хватит на это духу. И злости тоже не хватит. Вот как посмотрит с пронзительной надеждой своими серыми глазищами – и сразу кончится весь мой бессмысленный протест.

Просто... что там того протеста, если подумать? Хочется выразить негодование – да выругаться или хоть заорать в голос. Но этого я сделать не могу, в бессильной злобе бить посуду или морды случайным прохожим не позволяет воспитание. А гробить ради этой обиды саму возможность наладить отношения с внезапно обретенной женой, вполне настроенной подружиться, – совсем уж глупость.

Сцедить бы эту ярость в какое-нибудь безвредное русло и взглянуть на мир здраво, но придумать выход я пока не сумел. Так и уснул в безвыходной ситуации.

А утром проснулся по заведенной привычке еще до рассвета, когда в открытое окно сочился слабый свет, наполняв-

ший комнату серым сумраком. Женщина, конечно, спала, и будить я ее не стал. Осторожно выскользнул из постели, накрыл жену тонким одеялом и принялся искать ленту, которой можно было собрать волосы, чтобы не мешались.

При храме имелся прекрасный внутренний двор, в котором можно было в свое удовольствие заниматься физическими упражнениями в любое время суток и года. Я не сомневался, что и здесь можно найти подходящее место на свежем воздухе, но очень не хотелось привлекать внимание случайных свидетелей и служить для них бесплатным развлечением. А чем искать в такое время подходящее закрытое помещение вроде тренировочного зала – проще вообще не покидать спальню. Для разминки мне требовалось не так уж много места.

Содержать тело в хорошей форме я привык еще с детства. Всех принцев Фергр воспитывал в военной строгости, все трое проходили воинскую службу, и снисхождения к нам там не проявляли, муштруя наравне с простыми солдатами. А потом, после травмы, у меня образовалась масса свободного времени, которое требовалось на что-то потратить, да еще нужно было разрабатывать чудом сохраненную целителями руку... В общем, встав на ноги после лечения, я упорно тратил на упражнения часов по пять в день, падая под конец от усталости. Но, несмотря на подобные усилия, не сдох, а втянулся и пристрастился. Ощущение полного контроля над собственным телом, силы в руках и уверенности в каждом

движении было приятным, оно отвлекало от мрачных мыслей и мирило с действительностью. И уж конечно, было всяко полезнее сидения в углу в тоске и унынии.

Вот и сейчас привычные движения вытряхнули из головы остатки вчерашних угрюмых мыслей. Тщательная, обстоятельная разминка, силовые упражнения, боевые комплексы – для баланса и координации, растяжка... И часа три пролетели незаметно, оставив в теле приятную усталость, а в голове – не менее приятную пустоту.

Я уже заканчивал, когда в тишине спальни прозвучал совсем не сонный голос Тии, от которого я вздрогнул.

– Ты очень красиво двигаешься. Никогда не видела ничего подобного, – проговорила она, медленно приближаясь.

Я не стал прерывать движение, тем более фраза явно не требовала ответа, а закончив, не успел обернуться. Женщина вдруг прильнула ко мне сзади, обхватила ладонями за талию.

Я замер, растерявшись и не зная, как на это реагировать. А когда почувствовал, что Тия провела языком по коже между лопатками, вновь вздрогнул от неожиданности и осторожно обернулся в ее руках, приобнял за плечи. Глядя на жену в некоторой растерянности, жестами изобразил, что от меня после тренировки наверняка неприятно пахнет. Она широко улыбнулась в ответ на эту пантомиму.

– А мне нравится, как от тебя сейчас пахнет. Я извращенка, да? – спросила со смесью веселья и легкого смущения и вновь прижалась, уткнулась носом в мое плечо, с шумом

втянула воздух носом. А потом медленно провела языком по моей груди и пробормотала глубокомысленно: – Солёный...

На это прикосновение, на близость обнаженной женщины, на ее странное поведение мое тело отреагировало совершенно однозначно. Я рефлекторно на мгновение сжал узкие плечи, потом скользнул ладонями вниз по спине на поясницу, прижимая к себе крепче. Пару секунд колебался, раздумывая, а понимает ли она вообще, что делает? Нет, вряд ли она могла не заметить естественной реакции, мы ведь оба полностью обнажены, но вдруг? Поведение Тици опять ставило меня в тупик. Откуда в ней вдруг взялась такая решимость?

Будто в ответ на эти мысли тонкие прохладные ладони женщины скользнули вниз, накрыв мои ягодицы, а язык вновь скользнул по коже.

Все она понимает!

Я рывком подхватил ее под попку, поднимая, и ноги жены с готовностью обвили мою талию, руки обхватили плечи, а губы потянулись к губам для поцелуя. Он получился жадным, исступленным; ее пальцы запутались в моих волосах. Прижимаясь крепче, она выразительно потерлась о меня бедрами, недвусмысленно давая понять, чего хочет. Поддерживая женщину одной рукой, пальцами второй я начал ласкать ее, чтобы подготовить, но, коснувшись, на мгновение замер.

Она уже была горячая и влажная, уже хотела меня и имен-

но поэтому сейчас подошла.

От осознания этого меня окатило такой волной желаний, что мысль даже о мгновенном промедлении показалась кощунственной. Весь мир сузился до женщины в моих руках и стремления обладать ей, в котором растворились все возможные вопросы и сомнения. Я даже не сообразил сделать пару шагов, чтобы опуститься на кровать. Да Тии самой, похоже, хотелось не этого...

Я держал ее под бедра, приподнимая и опуская, раз за разом насаживая на себя. Тия цеплялась за мои плечи, впинаясь ногтями. Запрокинув голову, кусала губы, пытаюсь удержать рвущиеся с них стоны. И я откровенно любовался женщиной, не отвлекаясь и не отвлекая поцелуями. А когда она со стоном выгнулась в моих руках, содрогаясь от прокатившейся по телу волны удовольствия, и сам в несколько движений достиг острой, мучительно-сладкой разрядки.

И только через несколько мгновений после этого, чувствуя предательскую, но приятную слабость в коленях, вспомнил, что можно сесть на кровать, от которой меня отделяло всего два шага.

Какое-то время мы сидели, выравнивая дыхание. Шевелиться не хотелось совершенно. Я уткнулся лбом в плечо женщины, осторожно обнимал ее и ощущал себя... странно. Все это походило на сумбурный сон, было нереальным и неправдоподобным. Не может наивная неопытная девочка, которая вчера вздрагивала от каждого прикосновения,

так уверенно вести себя наутро. Не могут у меня от близости женщины мгновенно покрываться ржой мозги до такой степени, что, кроме вожделения, не остается ни одной мысли. Не может навязанный брак доставлять столько удовольствия, даже если брак этот от всей души благословили боги.

Накатило смутное тревожное ощущение близких неприятностей. Это было не озарение, скорее жизненный опыт. Слишком все хорошо, чтобы быть правдой, а такое долго не длится.

– Доброе утро, – тихо проговорила Тия мне в волосы и захихикала. – Извини, я не хотела тебя прерывать, но не утерпела. Это было очень, очень красиво... – повторила она, и тонкие пальцы скользнули по моей спине, с мягким нажимом очерчивая мышцы. Я не удержал блаженного вздоха; прикосновение было приятным. И само по себе, и потому, что я уже давно не ощущал подобного. А еще потому, что ей самой хотелось касаться, ей действительно это нравилось.

Так не бывает. Не может быть.

Но было хорошо...

Нежные губы коснулись плеча, прокладывая дорожку из поцелуев по шее вверх, язык шаловливо очертил контур уха.

– Стёль, ты не сердишься? – тихо спросила женщина.

Я вздрогнул – не то от ее голоса, не то от щекочущего дыхания, не то просто сбрасывая оцепенение, – поднял голову и озадаченно уставился на Тию.

Интересно, из чего она вообще сделала такой вывод? Я

что, похож сейчас на очень сердитого или недовольного? Или несколько минут назад был?

Спросить я не мог, осталось только со смешком качнуть головой, потому что женщина явно ждала ответа, и снова поцеловать – уверенно, долго, убедительно. Гладил нежную шелковистую кожу, наслаждался изгибами стройного тела, совершенно шалел от запаха. И вскоре отчетливо ощутил приятное напряжение там, где мы все еще были едины, и понял, что уже настроен и готов продолжить утренние развлечения. Вот прямо сейчас повалить женщину на кровать и начать медленно, неторопливо двигаться, так и не прерывая контакта...

Воплотить эту мысль в жизнь я не успел, Тия прервала поцелуй и отчего-то шепотом предложила:

– Может, теперь в ванную?

Была она в этот момент буквально пунцовая от стыда – не заметить и не понять моего состояния она в таком положении просто не могла. Но ни малейшего недовольства или протеста в ее взгляде я не уловил. Наоборот, глаза лихорадочно блестели, а дыхание уже было торопливым, сбивчивым.

Спорить не стал. Ванная так ванная, желание женщины – закон.

Не выпуская жену из рук, я шагнул в глубокую мраморную чашу, пустил воду и только потом поставил Тию на ноги. Она негромко охнула от неожиданности, когда я рывком раз-

вернул ее спиной к себе, но не противилась, наклонила голову, чтобы мне удобнее было целовать плечо и шею, порой осторожно прихватывая загорелую кожу зубами. В этот раз я не стал спешить, ласкал неторопливо, наслаждаясь каждым прикосновением и шумным, прерывающимся дыханием.

Упругие полушария полной, красивой груди так естественно и правильно ложились в ладони, что я залюбовался, большими пальцами дразня затвердевшие, призывно торчащие вершинки, к которым так хотелось прижаться губами. Тия негромко всхлипнула, цепляясь обеими руками за мои запястья, и от этого наблюдаемая мной картина стала еще более завершенной, завораживающей.

Одна моя ладонь медленно двинулась вниз, чтобы прижать женщину теснее, двумя пальцами осторожно проникнуть между судорожно сжатых ног, даря чувственную ласку.

– Стёль... – со стоном жалобно выдохнула она, полностью откинувшись мне на грудь и продолжая цепляться за мои руки.

От этого призыва меня накрыло новой волной желания, и я вынужден был на несколько мгновений сосредоточиться на дыхании, отвлекаясь от завораживающего вида красивого женского тела, которое ласкали мои руки. Иначе долгой прелюдии не получилось бы и повторилось бы то, что произошло в спальне. Подобное тоже очень приятно, но сейчас хотелось никуда не спешить – только с удовольствием пить каждое мгновение близости, дурманящей лучше любого ви-

на.

Осыпая кожу поцелуями, одной рукой продолжая распалать в женщине желание, а второй – лаская ее грудь, я опустился на колени. Тия вновь сдавленно охнула, а через пару мгновений застонала и выгнулась, когда под моими пальцами родился спазм наслаждения, прокатившийся по телу волной дрожи.

Я дал ей несколько мгновений передышки, позволяя испытать удовольствие до капли, а потом настойчиво повернул женщину к себе лицом. Она сделала попытку опуститься в ванну рядом со мной, но я не пустил, удержав за бедра: сейчас у меня были совсем другие планы. Запах ее желания сводил с ума, и мне очень хотелось попробовать ее наслаждение на вкус. Почему бы не прямо сейчас?

Сначала я все-таки приласкал ее грудь губами, с удовольствием ощущая, как тонкие пальцы цепляются за мои плечи, а потом неторопливо начал спускаться ниже, обвел языком пупок, отчего женщина вздрогнула и напряглась, и двинулся дальше.

– Стёль, ты же не... – жалобно пробормотала Тия.

Поскольку я именно что «да», тратить время на пояснения посчитал излишним – даже если бы я в принципе мог что-то пояснить. Просто положил ее ногу себе на плечо, крепко удерживая за бедра.

От первого прикосновения моего языка она сдавленно охнула и попыталась отшатнуться, пальцы ее до боли вцепи-

лись мне в волосы, но останавливаться я не собирался. Удержать непроизвольно бьющуюся женщину мог без труда, а боль была не настолько сильна, чтобы ее не получалось терпеть. Тем более ради удовольствия слышать, как Тия в голос стонет, о чем-то умолая, и наблюдать, как она задыхается от наслаждения, достигнув пика...

Но давать ей долгую передышку я не собирался и теперь. Потянул все еще дрожащую от полученного удовольствия женщину вниз, в ванну, вновь повернул к себе спиной. Тия не противилась и молчала, она послушно опустилась на колени, широко расставив ноги так, что я оказался между них, расслабленно откинулась мне на грудь.

Некоторое время она, вялая и расслабленная, не отзывалась на прикосновения, но я был настойчив. И когда дыхание ее вновь участилось, подался вперед. Стоя на коленях, женщина обеими руками оперлась о бортик ванны. Я вошел в нее медленно, намеренно растягивая это мгновение. Тия ответила на это негромким стоном-всхлипом, прогнулась, подалась навстречу, стремясь вобрать глубже. Одной рукой удерживая ее бедра, второй я тоже ухватился за бортик ванны и начал двигаться – медленно, размеренно. Каждый толчок женщина встречала новым всхлипом, пыталась двигаться сама, чтобы изменить ритм движений, которые сейчас не несли освобождения, а только усиливали нарастающее внутри мучительное напряжение.

– Стёль, пожалуйста! – прошептала она умоляюще, дро-

жа в моих руках. – Я хочу тебя! Это... невыносимо...

Я с шумом втянул ноздрями воздух, пахнувший нашим общим желанием. После таких слов выдержки моей тоже хватило ненадолго.

Несколько быстрых, сильных движений, и громкий стон наслаждения женщины почти совпал с моим резким выдохом – разрядки я достиг лишь на мгновение позже нее.

После мы, не шевелясь, долго лежали в теплой воде. Тия порой ежилась, сжавшись у меня на груди, шумно дышала мне в шею и в ответ на малейшее движение крепко вцеплялась в меня, как будто боялась, что я уйду и оставлю ее тут одну.

– Это невероятно, – тихо пробормотала она наконец, не поднимая головы. Пару мгновений помолчала, но потом все-таки продолжила. – Я, конечно, знала, что люди получают удовольствие от секса, но... Никогда не думала, что наслаждение может быть настолько сильным, почти невыносимым. Так всегда бывает? – спросила она, слегка отстранившись, чтобы взглянуть мне в лицо.

Рассеянно поглаживая ее по спине, я медленно качнул головой.

– А с тобой – часто бывало? – продолжила допытываться она.

Я вновь качнул головой и на мгновение прижался губами к ее виску. Такой ответ Тию, кажется, не вполне удовлетворил.

– Первый раз? – не унималась она.

Я неопределенно пожал плечами, а потом все-таки кивнул. На этом женщина успокоилась, опять устроилась у меня в объятьях и, удовлетворенная, затихла.

Я честно силился и не мог вспомнить, когда меня в последний раз так накрывало желанием, до умопомрачения и полной потери связи с реальностью. Прежде я контролировал собственный разум в любой ситуации, в том числе в постели, потому что любовница – это всегда уязвимое место, и при излишней собственной болтливости можно вляпаться в большие неприятности. А сейчас, с Тией, я настолько расслаблялся и погружался в ощущения, что, окажись она шпионкой и не потеряй я дар речи, давно бы уже разболтал все, что ее интересовало.

Было ли дело просто в долгом воздержании, в том, что я отвык от плотских удовольствий? Или все-таки на меня так действовала сама Тия своей поразительной чувственностью, ярким откликом на малейшее прикосновение и искренностью? Не знаю, но мне сейчас вообще думалось с большим трудом: тело наполняла ленивая нега, она же туманила разум. Я, например, ощущал, что в вопросах жены есть какой-то несложный, очевидный подтекст, но даже его уловить не мог. Такое ощущение, что мысли как покинули мою голову утром, с разминкой, так с тех пор и не могли вернуться, их место сейчас занимали желания и удовольствия плоти.

Это предположение наконец подстегнуло волю. Как бы хо-

рошо мне ни было, надо брать себя в руки и возвращать потерянный где-то на пороге супружеской спальни здравый смысл. Тия, конечно, высказывалась про наследника, и можно сказать, что развлекаемся мы с ней сейчас на благо страны, вдруг ставшей моей, но все равно слабо верится, будто на это место боги привели меня только ради того, чтобы обеспечить род кесарей Вираты потомством.

А если совсем честно, то просто не хочется в это верить. При всей моей симпатии к молодой жене, как-то неприятно думать, что я гожусь исключительно на роль племенного жеребца. И раз уж меня выдернули из привычного тихого угла, то было бы лучше занять голову чем-нибудь полезным. Пока она сама не заполнилась чем-нибудь вредным. Ну, или не разучилась думать вовсе.

Не знаю, какие мысли бродили в хорошенькой кудрявой головке Тии, но мое твердое намерение все же выбраться сегодня из ванны она разделила.

Меньше чем через час мы сидели с ней в приемной части покоев, ожидая, пока слуги накроют на стол. И заодно – ждали появления визитеров, поскольку аудиенции «госпожи кесаря и ее благородного супруга» искал Даор Алый Хлыст, и Тия попросила его позвать.

Местная манера есть чуть ли не лежа всегда ставила меня в тупик, и я предпринял попытку занять более привычное кресло, но жена мягко и настойчиво утянула меня в сторону длинного ложа, на котором устроилась вместе со мной. Не

могу сказать, что мне вдруг стало удобно, но близость женщины была приятна, и ради этого можно было немного потерпеть.

Здравый смысл возвращался неохотно, мысли шевелились в голове вяло и норовили опять соскользнуть на низменные удовольствия. Чему очень способствовала и Тия, которая по-кошачьи ластилась, норовя оказаться поближе и прижаться покрепче. Это льстило, грело самолюбие, внушало оптимизм и было слишком приятно, чтобы я сумел прямо сейчас по доброй воле отказаться от проявлений нежности. И я уговаривал собственную совесть тем, что вечно сидеть в покоех мы не сможем и рано или поздно все равно придется приступить к делу.

Единственным беспокойством, которое сумело немного нарушить эту эйфорию, было недовольство наличием у происходящего свидетелей, даром что здесь присутствовали только слуги. Я прекрасно знал, что местные вольные нравы вполне допускают подобное: вираны не видели ничего зазорного в публичной демонстрации чувств и желаний, особенно если речь шла о супружеской паре. Но я-то по рождению и воспитанию вираном не был! Поэтому при слугах я еще позволял себе лишнее, но, когда в дверь постучали и сообщили о гостях, сел на ложе и немного отстранился от Тии.

Встречать гостей лежа, да еще фривольно обнимая при этом женщину, – все мое существо протестовало против подобного нарушения приличий. Причем это казалось пре-

небрежением по отношению к Тии. Как будто это был не деловой разговор, а посиделки развязной компании в борделе. Низводить же своим поведением собственную жену до работницы подобного заведения казалось мне дикостью, несмотря на то что умом я понимал: оскорбительным это казалось только мне.

Тия разочарованно вздохнула, но настаивать не стала и села рядом. Правда, боком, подобрав ноги и прижав лодыжку к моему бедру. Я хотел было обратить на это ее внимание и попросить сесть нормально, но одернул себя. Это я здесь чужак вместе со своими обычаями, и это именно мои привычки и предпочтения местным кажутся странными и ненормальными. Я мог позволить себе воротить нос, когда приезжал ненадолго и по делу. А теперь мне жить среди этих людей, значит, надо потихоньку привыкать к местным традициям. Чем не первый маленький шаг?

Неожиданно для себя самого я вдруг поддался хулиганскому порыву и пощекотал по-детски миниатюрную стопу, которая легко уместилась бы целиком на моей ладони. Тия дрыгнула ногой, возмущенно ахнула и уставилась на меня с таким потешно-обиженным выражением, что я едва удержал на лице невозмутимую мину. Вот как. Кто-то, оказывается, боится щекотки?

Женщина набрала воздуха в грудь, очевидно для гневной отповеди, но в этот момент в комнату вошли посетители, и Тия шумно сдулась. Я все же не удержался от смешка, но

ответной гримасы жены не видел: она сидела справа, в слепой зоне, а я уже внимательно разглядывал посетителей. И с удовольствием чувствовал, что муть в голове рассеивается, уступая место привычной спокойной рассудительности. Отраднo видеть, что помрачение мое обратимо. Если оно будет возникать только наедине с женой, то можно считать, что ничего плохого не случилось. В конце концов, это даже естественно, когда в обществе молодой, красивой и желанной женщины думается совсем не о судьбах родины.

О Даоре Алом Хлысте, местном безопаснике, я был наслышан, а сопровождавшего его Виго Гнудое Колесо знал и раньше, в своей первой жизни, будучи наследником альмирского престола. Прежде оба этих немолодых мужчины рассматривались мной как противники, потом они вместе с политическими дрызгами стали мне неинтересны, а теперь предстояло взглянуть на них по-новому – как на соратников. Знать бы еще, в чем и до какой степени! Надеюсь, Вирата не решит вдруг пойти войной на мою родину? Не хотелось бы становиться перед подобным выбором.

Очередной неожиданный кульбит моей судьбы. Надеюсь, последний.

Стоило разогнать туман в голове и взять себя в руки, как я понял, что, на удивление, чувствую себя гораздо спокойней и уверенней, чем в последние дни или даже вчера вечером. Пропали безадресная злость, чувство бессилия и потерянности в водовороте событий, я как будто вновь твердо встал

на ноги и был готов жить дальше. Больше того – хотел жить дальше и видел в этом определенный смысл. А благодарить за это, пожалуй, стоило лишь Тию. И дело не в жаркой ночи и полученном удовольствии, или, вернее, не только в них, но...

Эта женщина заставила меня вновь почувствовать себя человеком. Мужчиной. Смешно и трудно поверить, что получилось у нее это за несколько проведенных вместе часов, но глупо отрицать очевидное. Тем более я прекрасно понимал, как это произошло: Тия просто смотрела на меня, относилась ко мне так, как будто увечья, изменившего мою жизнь, просто не существовало. И с ней я сам временами забывал об этом. Да, немота никуда не делась, но даже это неудобство казалось вполне терпимым.

– Доброе утро, – едва ли не хором поздоровались оба визитера.

– Рад видеть вас обоих в добром здравии и бодром расположении духа, – с непонятной иронией в голосе добавил Даор, склонив голову.

– Доброе, – за нас обоих ответила Тия. – Да вы садитесь, – кивнула она.

И посетители не стали спорить. Алый Хлыст так вообще удобнейшим образом возлег на ближайшее ложе с настолько величественным видом, что куда больше напоминал сейчас кесаря, нежели небрежно завернутая в тунику Тия или я в штанах на босу ногу и вчерашней слегка мятой рубашке на-

выпуск.

Только теперь я запоздало сообразил, что принимать посетителей в таком виде не менее неприлично, чем публично обнимать женщину, но суетиться было поздно.

М-да, отвык я за последние годы от подобных мелочей. В глуши этикет был без надобности, больше того – он здорово усложнял жизнь, и с привычкой к идеальному порядку в одежде и наружности я расстался достаточно быстро. Даже, наверное, поспешно, потому что все эти мелочи напоминали мне о прошлом, помнить которое совсем не хотелось. Придется приучать себя заново, что поделать!

Или не придется? Потому что Тия смущенной не выглядела – и, значит, ей подобное не казалось предосудительным. Наверное, тоже какие-то особенности местного уклада...

– А все-таки железяка мне проспорил! – удовлетворенно сощурился Виго, разглядывая нас обоих с каким-то мечтательным выражением лица.

– О чем это вы спорили? – подозрительно сощурилась Тия.

Даор с выразительным укором поглядел на своего соратника и ответил вместо него:

– Дело в том, сиятельная, что наш дорогой друг Ив чрезвычайно обеспокоен вашим здоровьем и скоропалительностью вашего брака, в значительной мере озадачен вашим окончательным выбором и потому выражал исключительное беспокойство о вашем состоянии сегодняшним утром.

С другой стороны, мой уважаемый друг Виго проявил большее доверие к сиятельному господину Стъёлю и выказал исключительную убежденность в вашем благополучии. Лично я чрезвычайно рад видеть вас обоих столь умиротворенными. Это позволяет надеяться не только на скорое появление наследника, но и на мир и покой в сиятельном семействе, что, в свою очередь, непременно благотворно скажется на благополучии всей Вираты.

– Эх ты мягко, «умиротворенные»! – хохотнул Виго. – По моему, они оба выглядят настолько довольными, что лично мне завидно и отчаянно хочется вспомнить молодость, скинув лет сорок. Даже как-то неприлично, в договорном-то браке. Нет, ну ты посмотри! А он еще о чем-то беспокоится... – он фамильярно ткнул Алого Хлыста в плечо и ладонью указал на нас. – Мне кажется, гармония налицо!

Даор скользнул взглядом по ложу, на котором мы сидели, тонко улыбнулся и проговорил мягко, с укором:

– Друг мой, не смущай молодых людей.

Я поначалу всерьез озадачился такой их реакцией, глянул на себя, предполагая, что что-то не в порядке с одеждой – еще больше, чем я думал. И только потом заметил, что, оказывается, в какой-то момент накрыл лодыжку жены ладонью и сейчас машинально ее поглаживал. Теперь отдергивать руку было совсем уж глупо, поэтому я только поморщился и, забывшись, жестами спросил у посетителей, все ли это, за чем они пришли.

Каково же было мое изумление, когда Гнупое Колесо не только заметил это, но и понял.

– Это был главный вопрос, но, коль скоро все в порядке, хотелось бы обсудить ряд других.

«Вы понимаете этот язык?» – с удивлением спросил я.

– Я знаю все языки, существующие в этом мире, – с легкой покровительственностью улыбнулся Виго. – Это нечто вроде любимой коллекции. Конечно, я не мог пропустить такой необычный «экземпляр»! А возвращаясь к теме визита, вопросов у нас несколько. Во-первых, вам двоим следует показаться народу. Учитывая, что вы выглядите вполне жизнерадостными, показывать вас не стыдно, и это пойдет всем на пользу. А во-вторых, вы, сиятельный, насколько я помню, всегда неплохо ладили с цифрами?

«Это было давно, но при необходимости смогу вспомнить, – поколебавшись, ответил я ему. – А что?»

– Насколько я представляю себе ваш характер и ваше отношение к происходящему, вы не планируете целыми днями сидеть в дальнем углу без дела, верно? – полуутвердительно проговорил Виго и, когда я в ответ кивнул, продолжил: – Поэтому мы рискнули предположить, что вы согласитесь оказать посильную помощь Ти. Видится логичным, если вы примете на себя те обязанности, которые не требуют постоянного общения с людьми. Разумеется, лучше, если вы оба станете вникать во все, но на первых порах разумнее не хвататься за все сразу. В конце концов, последние сем-

надцать лет Вирата как-то существовала, и большинство постов занимают надежные люди. Но люди эти не вечны, и сейчас перед нами стоит важная проблема. Голос Золота, увы, уже слишком стар, – проговорил Виго. – Он ошибается, становится невнимательным. А деньги – это такая вещь, которую абы кому не доверишь. Ничего не хочется доверять абы кому, но подобрать человека, которому можно доверить финансовые вопросы, особенно сложно.

В этот момент я вздрогнул и шарахнулся от неожиданности, потому что перед лицом внезапно возник какой-то предмет, причем со слепой стороны, а на такие явления я реагировал исключительно нервно. Но хорошо, что просто отшатнулся, а не ударил: ничего страшного не произошло, потенциально опасным объектом оказался небольшой, на один укус, пирожок. Кстати, очень вкусно пахнущий.

– Ешь, – с сосредоточенным строгим видом велела Тия. – Надо позавтракать, а у тебя руки заняты.

Я бросил растерянный взгляд сначала на нее, потом на гостей, которые с неожиданной тактичностью сделали вид, что их вообще здесь нет, с преувеличенно деловым видом негромко обсуждая что-то свое. Потом попытался забрать пирожок из рук жены, но та неожиданно воспротивилась, отдернула руку. Глаза ее хитро блестели, и, в общем-то, было понятно, чего именно женщина хотела.

М-да. Вот с рук меня точно еще не кормили. Во всяком случае, в сознательном возрасте...

И главное – непонятно было, что ей самой с того. Зачем?

Почему-то сейчас я ясно понял, что дело совсем не в местных диких традициях, они вот к такому завтраку не имели никакого отношения. Дело именно в самой женщине. Это было проявление все той же детской непосредственности, которая поразила меня еще вчера. Тия вообще не задумалась, что совершает нечто неприличное или неправильное; она просто делала то, что хотела и что не было явно запрещено.

Ссылаться на посторонних уже было нелепо и глупо, мы и так привлекли ненужное внимание, которое Тию, похоже, совершенно не беспокоило. А поскольку особенного смысла бороться я не видел, то решил подыграть жене. Поэтому медленно опустил руку, выжидательно глядя на женщину. Чувственные полные губы ее сложились в озорную улыбку, и меня опять принялись кормить.

На этот раз я был уже настороже и перехватил ее ладонь. Лицо жены приобрело жалобное, обиженное выражение, но я не собирался спорить из-за такой ерунды, поэтому сначала взял зубами угощение из ее руки и прожевал, не выпуская женского запястья, потом аккуратно прихватил губами ее пальцы, лаская, после пощекотал языком ладонь. От последнего прикосновения Тия залилась краской, шумно вздохнула, не отводя взгляда от моих губ. Напоследок я со смешком поцеловал открытую ладонь и выпустил ее руку.

В этот момент я почувствовал, что разум вновь предпри-

нял попытку переместиться в штаны, но своевременно себя одернул, помня о разговоре и гостях, на которых и сосредоточился. Привлек внимание собеседников сухим звонким щелчком пальцами и с преувеличенно спокойным видом вернулся к беседе.

«По-вашему, чужак в качестве казначея больше достоин доверия, чем все местные?»

– Чем большинство из них, – усмехнулся Гнудое Колесо, так же быстро настраиваясь на рабочий лад. – Мне, сиятельный, просто сложновато вообразить, что вы вдруг начнете воровать по мелочи.

«А по-крупному, значит, можно?» – ехидно уточнил я.

– А по-крупному слишком заметно, не дурак же вы, – продолжил веселиться Виго. – Признаться, я вообще не верю, что вы вдруг начнете воровать. Ну не вяжется подобное с вашим портретом – что до встречи с медведем, что после. Мне кажется, вы слишком благородны и ответственны для того, чтобы мелко пакостить – и вообще пакостить – сейчас. Если уж вы достойно приняли свою участь и не стали ввязываться в интриги, продолжая борьбу за престол, чтобы не усугублять смуту в стране, то и здесь, думаю, можно на вас положиться.

«Я принял участь не из благородства», – хмурясь, возразил я ему.

К этому моменту справилась со своим смущением Тия, но настырно возобновила свое занятие. На этот раз я, прав-

да, дурачиться не стал, съел что давали и благодарно кивнул. Занимать руки действительно не хотелось, а после первого несчастного пирожка я понял, что зверски голоден. Вдохновленная моей покладистостью, женщина подсела ближе и принялась за кормление уже ответственно. И я благоразумно вместе с остальными сделал вид, что ничего особенного не происходит.

– А это неважно, – качнул головой Гнутое Колесо. – Человек, для которого собственная гордость и честь значат больше власти, вполне подходит для того, чтобы эту власть ему доверить. Больше того, лично я вполне уверен, что ниже вашего достоинства вредить стране, в которой вам предстоит жить, даже если это пойдет на пользу Альмире. Вот чего я не могу предсказать, так это вашего поведения в случае серьезного военного конфликта с вашей родиной, но я искренне надеюсь, что до этого не дойдет. А в остальном... вы же понимаете, что за вами будут приглядывать. И мне кажется, что этого вполне достаточно. Собственно, у меня пока все, нужные книги я предоставляю, подберу знающего человека на роль переводчика, познакомлю с Голосом Золота. Думаю, начать разговоры сегодня с четырех, после дневной жары, будет самое время. И на этом у меня все. Вот разве только Даор что-нибудь по делу скажет.

– Даор непременно скажет, – с улыбкой степенно кивнул тот. – Самый важный вопрос мой драгоценный друг уже задал, а мне в голову приходит только один глупый, но доволь-

но срочный. Дело в том, что вариантов торжественной демонстрации некой персоны народу не так много, и самый подходящий из них – тот, что был использован на церемонии венчания. Собственно, для того кесарю и положена парадная колесница, чтобы торжественно въезжать в покоренный город, ну или красиво прошествовать по городу родному. И поэтому я хотел полюбопытствовать: а как вы управляетесь с лошадьми?

«Молча, – резко ответил я, но потом поспешил уточнить: – Умею управлять упряжкой, но только в том случае, если лошади реагируют не только на голос».

Виго перевел, и Даор вновь медленно кивнул.

– Прекрасно. В таком случае я сообщу Иву, а он уже определит, как все лучше устроить. Признаться, в лошадях я не силен и тонкостей не знаю. Что касается вас, сиятельная, Райд с бумагами и многие другие вопросы ждут.

– Я помню. – Тия обреченно вздохнула. – Дайте мне час, чтобы привести себя в порядок...

– Я не вижу необходимости в такой спешке, с учетом вчерашнего радостного события, – картинно отмахнулся Алый Хлыст. – До конца дневной жары вы вполне можете позволить себе отдохнуть.

Они уже собрались откланяться, но Тия все-таки окликнула гостей почти на пороге.

– Даор, а Ива вы с собой не взяли на случай, если он вдруг окажется прав? Чтобы я не овдовела скоропостижно? – уточ-

нила она.

– Вы слишком плохого мнения о нашем железном друге, он уже вполне исцелился от подобных порывов, да и не настолько всерьез он опасался за вас, чтобы в самом деле подозревать нечто ужасное, – пряча улыбку в уголках губ, витиевато ответил Алый Хлыст. Невысказанное «но я учитываю все варианты» читалось в насмешливых глазах мужчины. – Нам показалось неуместным стеснять вас присутствием обширной делегации. Но, впрочем, Ива действительно стоило бы прихватить. Думаю, у него разом отпали бы все вопросы и опасения. Доброго дня, сиятельные, – он склонил голову, и гости вышли.

Несколько мгновений мы сидели неподвижно, а потом Тия нарушила тишину.

– И все-таки тебе надо поесть, – проворчала она, примериваясь ко мне с вилкой, на которую был наколот кусочек мяса. Под моим насмешливым взглядом смутилась, опустила руки и проговорила: – Извини, я, конечно, понимаю, что ты и сам с этим справишься, но мне хотелось сделать тебе что-нибудь хорошее. Я как-то не подумала, что это доставляет удовольствие скорее мне, чем тебе. Держи!

Я со смешком качнул головой, поймал ее руку, поцеловал сжатые пальцы и только после этого забрал вилку. Забота, пусть и такая своеобразная, была приятна, и я, в общем-то, ничего не имел против подобного порыва. Ну, захотелось ей немного поиграть в куклы, даром что живые. В конце кон-

цов, она сама еще вчерашний ребенок, а у детей, приговоренных к большой власти, обычно не бывает детства – это я прекрасно знал на собственном опыте. Так почему не подыграть?

Проблема была в другом: я действительно не на шутку проголодался, и такое вот дурачество казалось сейчас издевательством. Тия несколько секунд понаблюдала за тем, с каким энтузиазмом я набросился на еду, а потом вдруг захихикала, прикрыв ладонью рот.

– Я как-то не подумала, что все так запущено и ты настолько голоден, – качнула она головой, глядя на меня с отчетливым умилением.

Я в ответ только усмехнулся. Действительно, с чего бы?

Глава 3. О первых ласточках

Тия Дочь Неба

Интересно, будет очень странно и нелепо влюбиться в собственного мужа, которого я вчера искренне опасалась, на второй день совместной жизни?

То есть ничего странного в этом, наверное, не было. Влюблялась я нередко и относилась к подобному легко: разума я никогда не теряла, чувства мои проходили скоротечно, как простуда. Наверное, потому что никогда не имели пищи. Например, лет эдак в тринадцать я была серьезно влюблена на протяжении луны в Ива, о чем он не подозревал до сих пор. Впрочем, через этот недуг в свое время прошли многие дочери кесаря.

Сейчас я чувствовала, что если не влюблена, то уже очень близка к тому, и еще пара поцелуев решит дело. Или даже не поцелуев – достаточно будет просто немного посмотреть на то, как Стъэль двигается или что-нибудь делает. Шрамы его, конечно, обезобразили, но я бы не сказала, что безвозвратно. В конце концов, красота – это не только черты лица, тот же Хала в этом отношении, может, и похуже альмирца будет. У Стъёля же очень красивые серебристо-белые волосы, и хотя я понимала, что они попросту седые, все равно не могла не любоваться. А еще – совершенного очерка губы, твердый упрямый подбородок... Да что там, я даже повязку его уже

находила интересной, она придавала ему какой-то книжной загадочности и романтизма. Ну а великолепное тело мужчины не портили даже шрамы. В самом деле, какая разница, что с лицом, если у него такие плечи, такие руки и потрясающий торс, а главное, я имею полное право трогать всю эту красоту в свое удовольствие!

И это если смотреть на него со стороны, отвлеченно. А если вспомнить прикосновения и поцелуи, то по спине пробегают мурашки, внизу живота начинает ощущаться тугий теплый комочек возбуждения, в лицо сразу бросается краска и губы сами собой норовят раздвинуться в улыбке.

Кроме того, у него масса иных достоинств. Например, я на собственном примере убедилась, что Стёль еще и очень терпеливый, не обижается на мелкое хулиганство и вообще исключительно положительный мужчина.

Ко мне муж отнесся с покровительственной снисходительностью, но подобное было не худшим вариантом и не задевало. Я отдавала себе отчет, что мужчина без малого годится мне в отцы, что он вряд ли мог вот так с ходу восхищаться моим умом, ответственностью, решительностью и самоотверженностью. Тем более я явно сделала все, чтобы он даже не помыслил о подобном. Показала себя, кажется, еще более легкомысленной, чем прежде позволяла себе в минуты слабости.

Впрочем, это объяснялось очень просто. Во-первых, чувством облегчения оттого, что мой муж действительно ока-

зался хорошим человеком. Во-вторых, он значительно превосходил меня не только возрастом, но и жизненным опытом и багажом всевозможных знаний, поэтому строить из себя значительную особу рядом с этим человеком казалось глупым. Ну а в-третьих, для меня он почти сразу оказался на одной ступеньке с Даором и Ивом – взрослыми и всепонимающими серьезными мужчинами, рядом с которыми можно на некоторое время забыть все то, что годами вдалбливали в мою голову учителя. Последний пункт очень смущал, потому что умом я понимала: Стёль совсем меня не знает и вряд ли сумеет вот так с первого взгляда понять, что не столь уж я бестолкова. Но от этой мысли я пока легкомысленно отмахивалась, планируя решать проблемы по мере появления.

Пока меня куда сильнее занимала собственная неминуемая влюбленность, из-за которой внутри росло безотчетное опасение, чувство тревоги. Казалось, что в этот раз все будет совсем не так, как прежде, и эта неизвестность немного пугала.

– Сиятельная, ты меня вообще слышишь? – ворвался в мои думы раздраженный голос Райда. Я вздрогнула, сфокусировала взгляд на помощнике и глубокомысленно изрекла:

– А?

– Тьфу! – высказался он. Смерил меня мрачным взглядом, потом вздохнул и присел на край стола. Вертикальная складка между бровями разгладилась, а губы изогнулись в улыбке. – Ты где витаешь с таким довольным видом?

– Да не важно, – отмахнулась я, чувствуя, как к щекам приливает кровь. – Давай сюда свои законопроекты, торжественно обещаю во всем этом разобраться.

– Ага, то есть отчасти ты все-таки здесь, – хмыкнул он, все-таки отдавая бумаги. – Это утешает. Слушай, уж не о своем ли молчаливом супруге ты с таким видом грезишь? Ха! Угадал!

– Райд, при всей моей к тебе симпатии, это не твое дело, – нахмурилась я, борясь со смущением.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, – проговорил он примирительно. – Просто очень любопытно. Еще вчера ты выглядела бледной тенью и ходила вся такая взвинченно-напряженная, что боязно было лишний раз тронуть – лопнешь, как струна на лире. И вдруг такой резкий переход к рассеянному благодущию с улыбкой до ушей, что волей-неволей закрадываются нехорошие подозрения. Он же дан? Какой у него дар, ты не уточняла? А то мало ли что он мог с тобой сделать!

Что со мной делал муж, я помнила прекрасно, и к его Искре это никакого отношения не имело. На беду, в этот момент вспомнились некоторые особенно яркие моменты пока краткого, но очень увлекательного общения со Стъёлем, внизу живота сладко заныло, а к щекам прилила настолько густая, яркая краска, что я, кажется, и сама видела, как они светятся.

– Погоди, то есть он просто... – начал Райд, вопроситель-

но выгнув брови, в его глазах заплясали искорки веселья. Но, по счастью, договаривать мужчина не стал, только ухмыльнулся широко и как-то очень проказливо, и закрыл тему: – Ладно, могу в связи с этим за вас обоих лишь порадоваться.

– Спасибо. Райд, ты, конечно, симпатичный, но в качестве украшения стола не годишься. Посетители не поймут, – заметила я, с намеком глядя на помощника. Тот пару мгновений недоумевал, но потом встрепенулся и спустился на пол.

– Да, извини. Собственно, на сегодня у тебя по плану только бумаги, бумаги и бумаги. Но где-то через час обещался заглянуть Ив, он хотел у тебя что-то спросить или, наоборот, рассказать.

Знаю я, что Ив хотел: убедиться, что со мной все в порядке. Кажется, Железный регент считал, что тоска и уныние последних дней были вызваны во мне по большей части предстоящим замужеством, пару раз даже осторожно заговаривал на тему «точно ли я уверена». Я была уверена совершенно точно, и понимающий Ив разговор прекращал.

Он вообще в последние дни стал... слишком понимающим. Отношение к окружающим, которое он демонстрировал, не изменилось, поэтому к вести о его исцелении большинство относилось как к сплетне. Но тем, кто хорошо его знал и к кому Ив был близок, перемены виделись разительными.

Нет, разумеется, все мы очень радовались, что он излечился и даже счастлив, но к нему новому еще предстояло

привыкнуть. Даор ворчал, что прежний Ярость Богов был понятен и предсказуем, а непредсказуемые союзники – почти враги. Правда, делал он это себе под нос, без особенного недовольства, скорее для порядка. Когда Алый Хлыст чем-то по-настоящему недоволен, он не брюзжит, а исправляет досадное несовершенство мироздания.

В общем-то, ничего столь уж необычного Ив не творил, просто некоторые качества, которые он умудрялся сохранять в себе, даже будучи безумным, получили пугающий размах. Например, Железный регент всегда по мере сил заботился о детях кесаря, а теперь своей предусмотрительностью по части опеки оставшихся во дворце близких порой пугал. Сильнее всего доставалось совсем не расстроенной таким отношением Рине, но и остальным перепадало.

Я в душе надеялась, что жена родит ему двойню, а лучше сразу тройню, и тогда избыток заботы пойдет на благое дело. Но это в любом случае дело небыстрое, а пока оставалось ждать и верить, что вновь обретенные эмоции в ближайшем будущем перестанут так бить Иву в голову и он уймется.

Не то чтобы он действительно доставлял кому-то серьезные неудобства – Ив был полностью вменяем, понимал слово «нет» и не пытался удушить своей заботой. Но мне было сложно поверить, что для взрослого мужчины с подобной биографией такое поведение нормально, что это именно свойство его характера. Я опасалась, что его вместо исцеления просто перемякнуло в другую сторону.

Одно утешало и позволяло надеяться на лучшее: Хала на эту тему помалкивал, а вид имел благодушно-насмешливый. Значит, все не так страшно, и либо Железяка придет в норму, либо мы привыкнем.

– Если на сегодня только бумаги и Ив, тогда ты, наверное, можешь не скучать тут, – решила я.

– Уверена? – нахмурился Райд, но тут же опять широко ухмыльнулся. – А то мало ли что наша железяка учудит!

– Не думаю, что он теперь способен учудить нечто более грандиозное, чем творил прежде, – отмахнулась я и добавила со вздохом: – Главное, чтобы они со Стълем не сцепились.

Если изначально Железный регент относился к альмирцу ровно, даже с уважением, то решение о свадьбе заставило Ива передумать и искренне невзлюбить принца. Волей-неволей появлялась аналогия с заботливым папашей, чья взрослая дочь выбрала себе «неподходящую партию». И смешно, и страшно...

– Да ладно тебе, железяка стал мирным и безобидным в ласковых женских руках, – захихикал Райд. – Страшно видеть, что делают с лучшими из нас хитрые красавицы! Неужели я стану таким же, когда влюблюсь?

– Нет, ты будешь точно так же язвить и доводить объект чувств до истерик своими подначками, – со смешком ответила я.

– А вдруг любовь отобьет у меня всякое острословие?

– У тебя? Это как же она тебя накрыть должна? – про-

бормотала я, окидывая мужчину выразительным сомневающимся взглядом.

– Не знаю, и потому трепещу! – хохотнул он. – Да ладно, а если серьезно... Ну боишься ты, что они сцепятся, так и пусть. Они вроде большие мальчишки, оба достаточно тренированные и опытные бойцы, поубивать друг друга не поубивают, только пар выпустят и проникнутся взаимным уважением. Особенно если выпьют после драки.

– Только этого мне не хватало! – проворчала я и тяжело вздохнула. – Даже не знаю, что меня напрягает больше, пьяный Ив или пьяный Стёль. Хотя нет, знаю: они вместе, – резюмировала вполголоса и, представив эту картину, поежилась. – А впрочем, ты все-таки подкинул мне хорошую идею.

– Что, рискнешь?

– Нет, драки не будет! – я выразительно всплеснула руками. – Пусть лучше делают одно общее дело и в процессе знакомятся. Даор загорелся идеей показать моего супруга народу, так пусть Стёль осваивает управление этими тварями в лошадиной шкуре под руководством Ива, который так их любит. Надо вечером ему предложить.

– Какими тварями? – изумился Райд.

– Да кесаревой парадной четверкой. Мне интересно, неужели в мире так мало белых лошадей, что нельзя заменить этих зловредных поганцев кем-то приличным?

– Несolidно будет! – наставительно изрек собеседник.

– Ой, а убиться вместе с ними – так solidно! – недовольно

фыркнула я. — Ладно, иди, а то ты меня отвлекаешь.

Райд спорить не стал, а я, лишь выпроводив его, сообщила, что куда сильнее общительного приятеля меня могут отвлечь мысли о муже, которым одиночество как раз очень способствует. Но, к счастью, я уже успела вынырнуть из сладкого дурмана нашей с ним первой ночи, нырнуть обратно пока не норовила и даже сумела сосредоточиться на бумагах.

Государственный совет, на время отсутствия правителя ставший Регентским, был основан в незапамятные времена. Кесарь не может заниматься сразу всем, а так он снимает с себя множество не самых важных вопросов, и это очень удобно. Перед советом ставились проблемы, тот решал их, отчитывался перед правителем и предоставлял варианты решения в виде проектов законов или просто ответов, письменных или устных. В совет входило полсотни человек, включая глав всевозможных ведомств, но зачастую он собирался не полностью.

Реальной власти Государственный совет не имел, он не мог ничего сделать в обход кесаря, и многих его членов это не устраивало. Собственно, главной сложностью и ответственностью кесаря в общении с этими людьми было не допустить перекоса и не упустить момента, когда его задвинут. В истории Вираты такое случалось, и результат всякий раз оказывался не самым лучшим. В особенности для потомков такого кесаря-разгильдяя...

Лично мне в этом смысле чрезвычайно, просто неприлично повезло с Даором, который все прошлые годы держал совет в узде, на ключевые посты протаскивал надежных, преданных делу людей и сейчас с готовностью передавал методу этих манипуляций мне.

Порой я пыталась представить, что могло стать со страшной, не будь у нее Алого Хлыста, и всякий раз со страхом прогоняла эти мысли.

Я просматривала документы, написанные уверенной рукой одного из секретарей совета, вникая в сухой казенный текст и уделяя внимание припискам Даора. Где-то это были короткие заметки, где-то он ссылался на пункты существующих законов, которые стоило посмотреть, где-то вовсе прилагал подробные пояснения на отдельных листах.

Местами встречались записи, сделанные другим, резким и убористым почерком, и я сообразила, что это приложил руку Виго, советник по внешним вопросам и глава дипломатического ведомства.

К числу изначально посвященных в тайну моего рождения Гнудое Колесо по каким-то причинам не принадлежал, поэтому до недавнего времени я с ним почти не пересекалась и теперь относилась к нему с куда большей настороженностью, чем к Иву или Даору. Хотя и понимала, что доверия он заслуживает никак не меньше: именно его стоило благодарить за ровные отношения с соседями, которые за все прошедшие годы так и не сумели воспользоваться отсутствием

в Вирате верховной власти.

В стопке попалась и совсем уж странного вида исчерканная бумага, пестрящая высказываниями в духе «ржа полная» – во всяком случае, именно так я разобрала эти каракули. Поскольку документ касался реорганизации военного учебного заведения, я предположила, что здесь отмечился уже Кмер Палица, и не удержалась от улыбки. Этого здоровяка я толком видела всего один раз, после венчания, но он понравился мне с первого взгляда. Было в первом милоре что-то такое... монументально-отеческое. Взыскательно-го, властного офицера сложно назвать добрым или мягким, но это была тщательно выверенная строгость отца, который не желает баловать детей не из жестокости, а из любви и понимания, что слишком мягкое воспитание до добра не доводит.

Я всерьез увлеклась процессом, порой потешаясь над замечаниями советников. Недавние страдания и переживания о собственном одиночестве и том, что моя жизнь обращается в кошмар, казались сейчас далекими и очень странными. Даже не верилось, что это было вчера и со мной.

А еще было забавно сознавать, что причиной перемены настроения стала единственная ночь с мужем. Казалось бы, я отдавала себе отчет в том, что со вчерашнего дня ничего принципиально не изменилось. Да, одной проблемой действительно стало меньше, я убедилась, что Стъэль совсем не страшный, и, можно сказать, с супругом мне повезло. Но и

только. Мы по-прежнему чужие люди, по-прежнему впереди пугающая неизвестность и какие-то неведомые неприятности, меня все так же не воспринимают всерьез... но сегодня меня это уже совсем не беспокоило. И лишь потому, что мой мужчина оказался превосходным любовником.

Смешная все-таки штука – человек.

К счастью, отвлекшись на эти размышления, вновь погрузиться в грезы я не успела: в дверь постучали. Дворец услужливо сообщил, что пришел Ив, на удивление – не один. Я пригласила посетителей и с любопытством уставилась на гостью. Та цеплялась за локоть Железного регента, опираясь на мужчину, по вполне объективным причинам: самой ей было очень трудно идти.

С большим трудом и удивлением я узнала в этой высохшей, сгорбленной, едва живой старухе главную жрицу Идущей-с-Облаками, чьими руками богиня вручила мне Шипы-и-Пряжу. Прежде женщина выглядела лет на сорок, теперь – на сотню с лишком.

– Не надо смотреть на меня так, сиятельная, – слабо улыбнулась она, тяжело опускаясь в кресло. – За то, чтобы стать сосудом божественной силы, человек платит дорого, и я знала, на что иду. А на Железных облаках каждый получит то, чего ему не хватило в жизни. – Она замолчала, переводя дух. Прделанный путь дался жрице тяжело, она устало откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

– Я сходил в храм Идущей, чтобы расспросить подробно

о ее благословении, – пояснил за женщину Ив, внимательно меня разглядывавший. – И заодно найти ответы на некоторые теологические вопросы. Однако Авла заявила, что желает говорить это кесарю. – Мужчина развел руками и с легким недовольством обратился к спутнице: – Мне оставить вас наедине?

– Сиди, Железо, – тонкие бескровные губы едва заметно покривились в улыбке. – От тебя мне точно нечего скрывать. Это было бы... глупо. Идущая-с-Облаками – богиня жизни, и благословение ее – дар жизни.

– То есть уже можно поздравлять Иву с грядущим прибавлением в семействе? – нервно хихикнула я.

Жрица едва заметно улыбнулась.

– Потомство – это вопрос Вечного Дитя, с дарами моей госпожи сложнее. Она дает силы жить и преодолевать трудности. Зачем ее благословение здесь... Не знаю. Не исключено, что вы этого тоже никогда не поймете, потому что подобное прикосновение богов сложно ощутить смертным. Может быть, эта капля поможет там, где без нее не хватило бы сил.

– А почему говорить об этом вы хотели именно при мне? – спросила я, заставив себя успокоиться и настроиться на серьезный лад. Хорошее настроение много лучше уныния, но сейчас моя радость явно неуместна.

– Ты дочь своего отца, в тебе – сила первого кесаря Вираты. Мир создан из огня и камня, суть – Искры и Железа человека. На человеческой крови держится небесный купол,

вылепленный в незапамятные времена Обжигающим Глину. Порождения Хаоса, от которого мы укрыты небосводом, никогда не оставляли надежды разорвать наш мир в клочья. Они не выносят упорядоченности, целостности чего-либо, их приводит в ярость само наше существование. Хаос вечен. Он долго выжидал и наблюдал – и нашел решение: то, что держит человеческая воля, человеческая воля способна и уничтожить. Боги ведут битву с сотворения мира, но им не под силу менять волю людей, а среди людей... нашлись те, в чьем сердце Хаос свил... свое гнездо. – Длинный монолог забрал последние силы старухи. Начала она достаточно уверенно, а под конец стала запинаться и задыхаться. Женщина прикрыла глаза, тонкие пальцы судорожно вцепились в подлокотники, а на лбу выступила испарина.

Мы с Ивом тревожно переглянулись, но перебить не решились.

– Сейчас мир особенно уязвим. Небо... закалялось в крови мужчин, а сила мужчин и женщин слишком различна... по природе. Пока ты жива, небо не рухнет, и твой сын... сумел бы все исправить... Но отсрочкой, которую боги дали людям, воспользовался Хаос. Семена его... созрели... Огонь поможет... – голос сошел на бормотание, а потом женщина вздрогнула всем телом – и замерла, уронив голову на грудь.

Ярость Богов протянул руку, коснулся запястья жрицы и хмуро качнул головой. Я сжалась в кресле, стиснув подлокотники, и затравленно уставилась на лежащее в кресле тело.

Было сложно связать воедино образ крепкой моложавой женщины, возлагавшей мне на голову Шипы-и-Пряжу, все еще звучащий в голове надтреснутый голос и вот эту бледную неподвижную оболочку.

Фир бросил на меня взгляд, резко поднялся с кресла и вызвал слугу. Вскоре в кабинете поднялась деловитая суета, и покойницу унесли вместе с креслом. Эту пару минут я сидела, глядя куда-то в пространство перед собой, сквозь предметы, а потом подошел Ив, опустился рядом на корточки, осторожно сжал мое запястье и негромко спросил:

– Ты как?

Вздрогнув, я с трудом сфокусировала на нем взгляд и пробормотала:

– Не знаю, я просто... Два дня назад это была крепкая здоровая женщина, а сейчас... вот это. – Я судорожно втянула носом воздух, свободной рукой вцепилась в ладонь мужчины и выдавила улыбку. – А еще я впервые вижу смерть.

– Может, тебе стоит пойти отдохнуть? Или хотя бы выйдем на воздух? – нахмурился он.

Я сделала еще один глубокий вдох, прикрыла глаза, медленно выдохнула и тряхнула головой, пытаясь взять себя в руки.

– Не надо. Сколько можно отдыхать, пока другие работают? Это только минутная слабость, все случилось слишком неожиданно. Был человек – и вдруг нет человека... Вечером поплачусь мужу, пусть утешает, – вымученно улыбнулась я.

– Ты сейчас это скептически сказала или всерьез? – Ив еще больше нахмурился, а в голосе звякнули знакомые железные нотки, так что я поспешила взять себя в руки и успокоить мужчину.

– Я не уверена, что вечером еще буду об этом переживать, – ответила, чуть поморщившись. – Ив, Стёль... хороший. Правда. Все замечательно, насколько это вообще возможно в нашей ситуации. Конечно, договариваться мы будем долго, потому что для этого мне сначала нужно выучить его язык. Но договоримся. Если выживем, – я мрачно вздохнула, спешно сворачивая к важной теме. Было гадко думать о собственных удовольствиях – сейчас и здесь, где три минуты назад умер человек. А если мы продолжим обсуждать Стёля, я непременно начну об этом вспоминать.

– Куда мы денемся! – хмыкнул он. – Знаешь, пойдем все-таки отсюда, ты бледная. Поговорить можно и по дороге.

Подумав, я не стала возражать. Мне казалось, что в самом воздухе комнаты до сих пор висела какая-то смутная тень. Держащий-за-Руку, конечно, всегда рядом, поэтому его так и зовут, но сейчас я почти его видела, и это было неприятно.

– Интересно, почему она пришла поговорить только сегодня? И зачем вообще пришла? Я вполне могла почтить ее своим присутствием, – негромко проговорила я. – Может, тогда бы...

– Она очнулась только сегодня, – пояснил Ив. – Я в прошедшие дни несколько раз посылал в храм справиться о ее

самочувствии, и до сих пор она не приходила в сознание. Сегодня я приехал сам, чтобы не откладывать разговор дольше и обратиться к кому-то еще, но Авла вдруг очнулась и пожелала говорить с тобой. Почему-то ей принципиально было сделать это именно во дворце.

– Может, дело в его сущности? – предположила я. – Может, она хотела, чтобы он ее слышал? Или не хотела, чтобы слышал кто-то, от кого способен защитить только он?

– Имеешь в виду семена Хаоса? – задумчиво, с недоверием уточнил Ив.

– Что-то вроде них. Но я вообще довольно смутно поняла, что она хотела сказать. То есть говорила она понятно, но какие-то странные вещи. Это ведь... легенды. Старые замшелые сказки. Боги никогда не подтверждали и не опровергали мифов, которые придумывали про них люди, а здесь... погоди, а куда мы идем? Не наружу?

– Ты права, – отозвался Ив. – Она наверняка не просто так хотела разговаривать именно во дворце. Мне тоже сложно спокойно воспринимать то, что Авла наговорила, но она была в своем уме и явно уверена в своих поступках. А осознанные поступки верховной жрицы Идущей-с-Облаками – хороший повод задуматься. Поэтому предлагаю не тратить время понапрасну и сделать то, что я обычно делаю в таких случаях, – чуть улыбнулся он.

– То есть? – я нахмурилась, не понимая, куда именно мы идем.

– Поговорить с Даором, – пожал плечами мужчина, и я тоже не удержалась от улыбки.

Мы шли по непривычно тихим и пустынным переходам Нижнего дворца, не похожего на самого себя. Многие обитатели покинули его после появления нового кесаря. Даор хоть и жаловался, как ему теперь будет неудобно, но полностью разделял мнение, что для репутации правительницы подобное вредно. Эта мера уже добавила мне симпатии в народе и, к счастью, не принесла прозвища. А то очень не хотелось остаться в истории Тией Разогнавшей Бордель.

Мысли об окружающей пустоте заставили меня вспомнить еще об одном важном деле: идее организации в Верхнем дворце учебного заведения.

Школа рядом с резиденцией кесаря, конечно, не самый удобный вариант. Это сейчас там остались мои друзья и другие люди, которых я хорошо знаю, а потом начнут появляться новые, чужие. Кроме того, близость Нижнего дворца не будет способствовать учебе, отвлекая студентов дополнительными соблазнами, да и здешние обитатели могут не обрадоваться соседству с шумной разношерстной толпой молодых и деятельных учеников из разных сословий. Но все это решалось надежным красивым забором. Придется немного помучиться с перепланировкой, но я решительно возражала против такого количества пустующих помещений, а заполнять их придворными бездельниками... Определенно, студенты лучше.

Один из моих предков построил эту резиденцию для своей супруги, которая не любила Нижний и чувствовала себя в этих стенах неуютно, потом дворец какое-то время считался именно жилищем кесаря, его семьи и приближенных. Но лично мне не хотелось возвращаться к этой традиции, Нижний нравился мне куда больше – сам по себе, безотносительно того, что здесь происходило в последние годы.

А кроме того, здесь сейчас, с исчезновением чар Идущей-с-Облаками, было гораздо безопаснее: дворец сам мог вступить за меня при необходимости.

Ив жаловался, что дворец его не слушается, и предполагал, что причина – в его чуждости роду кесаря. Однако сущность эта, хоть и питала защитные чары со своей стороны, и даже могла перекраивать их по собственному усмотрению, шла на подобное очень неохотно, и плевать ей было на то, у кого какая кровь в жилах и кто какой пост занимает: мои приказы она исполняла не намного лучше, чем распоряжения Ярости Богов в бытность его первым регентом. То есть со стороны казалось, что это почти разумное и вездесущее создание легко могло решить все наши проблемы, но на деле пользы от него было не так уж много. Единственное, что Нижний выполнял без возражений и даже с удовольствием, – это открывал мне двери в нужные комнаты. Чем-то ему это очень нравилось.

А еще он почему-то считал своим долгом защищать меня и никого больше. На меня здесь не действовали никакие ча-

ры, кроме целительских. И мысль об этом казалась созвучна только что сказанным жрицей словам. Может, именно в этом смысл крови кесаря? Может, она не только к Небесному куполу имеет отношение?

Даора мы застали за работой. Алый Хлыст удобно устроился на ложе в окружении каких-то бумаг, а неподалеку пригнулся за небольшим столиком писарь, которому седьмой милор и советник по внутренним вопросам надиктовывал письмо.

– Сиятельная, какая честь видеть вас в моей скромной обители.

При нашем появлении Алый Хлыст быстро, но без суеты поднялся со своего места для приветствия. Меня кольнуло чувство неловкости: этот человек был в несколько раз старше и на порядок умнее. Но правила есть правила, особенно при посторонних. Посторонний – писарь – тоже поспешил бросить все свои дела, выскочить из-за стола и согнуться в поклоне.

– Не стоило беспокойства, вам достаточно было просто отдать распоряжение, и я с удовольствием явился бы сам, – продолжил тем временем Даор, пока я устраивалась в кресле.

– Ничего страшного, дело не срочное, а мне захотелось пройтись, – отмахнулась я, поморщившись при воспоминании о том, что заставило меня покинуть комнату, в которой я в последнюю пару дней работала: старый кесарский каби-

нет Ив искорежил так, что его до сих пор не привели в порядок. — Заканчивайте спокойно свои дела, я подожду, — сообщила я, жестом разрешая окружающим сесть.

Алый Хлыст закончил быстро, выпроводил писаря и впросительно уставился на нас, ожидая пояснений. Ив коротко рассказал о происшествии и почти дословно передал слова жрицы.

— На самом деле я не понимаю, что такого важного и серьезного она сказала, — со вздохом призналась я. — Ну Хаос. Звучит грозно и многозначительно, но уж очень расплывчато. Нам противостоят обычные люди, или все-таки есть некая могучая сила? И при чем тут огонь? Их предлагается сжигать заживо? — я содрогнулась от подобной перспективы.

— Какая недостойная кесаря и вообще юной девы кровожадность, — с иронией заметил Даор. — Я склонен предположить, что огонь употреблялся в аллегорическом смысле. Может быть, Искра, а может — вовсе чувства. И я нахожу, что в этих словах чрезвычайно много пищи для размышлений. Мотивы, цели, истоки...

— Не знаю, — с сомнением вздохнула я. — Даже если предположить, что они собираются уничтожить мир и это доказано, это ничего не дает. Мы ведь не знаем, как его можно уничтожить. Оборвать какую-то из королевских династий? Да, наверное, проще это сделать с моим родом: прямых потомков больше нет, а из-за того, что я женщина, мир в этом месте особенно уязвим... Бр-р, как звучит-то! Но даже если

это так, это ничего не меняет, вы и так прилагаете огромные усилия, чтобы венец на моей живой голове сидел крепко.

Даор тонко улыбнулся и слегка наклонил голову.

– Стараемся, сиятельная. И теперь будем стараться еще лучше! Да, эта информация не меняет наших планов на будущее, но зато она содержит подсказки к ответу на вопрос «Почему все происходит?». Многие мифы, друзья мои, вызывают куда больше сомнений, чем веры. Боги о прошлом молчат, мы же догадываемся и строим гипотезы в лучшем случае на основе пары непроверенных фактов. А рожденные из этих догадок легенды противоречивы, в разных странах разные люди рассказывают их по-своему. Сложно отделить те, в которых есть зерно истины.

– Почему? Я что-то не припомню особенных различий, – вставила я, но тут же смущенно признала: – Хотя, конечно, я тот еще знаток...

– Поверьте мне на слово, противоречий масса. Например, Немого-с-Лирой в одной из легенд звали Гласом Бездны, и был он совсем не созидающим божеством, а, наоборот, лютым врагом Обжигающего Глину, и мир боги создали только тогда, когда эти двое примирились. А от голоса он отказался добровольно и потому, что мог им разрушить небесный свод. И, кстати, крик Немого-с-Лирой – одна из вероятных причин конца света. Проблема в том, что мифы и легенды – это огромный пласт информации, с которым никогда не работал не только я сам, но, что гораздо хуже, никто из прове-

ренных людей. В свете утверждения о том, что противостоят нам нечто невероятное и прежде невиданное, мы не знаем способа определить замешанных и в полной мере можем доверять лишь тем, кого отметили боги. Авла была лучшим вариантом, поскольку пользовалась доверием Идущей-с-Облаками, но увы.

– А Хала? – спросила я с надеждой. – Может, спросить у него? Он многое знает.

– Я уже спрашивал его о мифах, еще когда Стъэль явился со своими откровениями про конец света, но Пустая Клетка тоже не смог сказать ничего вразумительного, – вставил Ив. – Если дословно, он заржал в ответ и заявил, что хоть и старый, но не настолько. Вряд ли сейчас вспомнит что-то новое.

– Кстати, может, Стъэль что-нибудь знает? – пробормотала я, хмурясь.

Мужчины как-то странно переглянулись, после чего Даор мягко уточнил:

– Почему ты так решила?

– Чем-то же он занимался пять лет в храме Немого-с-Лирой, – пожал плечами, ответила я.

– А почему именно этим? – любопытствовал уже Ив.

– А чем еще? – я вновь пожал плечами. – Он умный, образованный человек. Общаться там особо не с кем, и я не думаю, что он горел желанием это делать. Лично мне трудно поверить, что он копался в храмовом огороде, занимал-

ся уборкой или чем-то подобным. Развлечений никаких нет, поэтому остается только чтение. А что еще можно читать в храме, помимо легенд и исторических хроник? Ну и кроме того, почему-то ведь Немой-с-Лирой выбрал именно его, привел сюда! Не только же потому, что он честный, благородный и образованный. Не один ведь он такой во всем мире!

– Справедливо, – похвалил Даор, вежливо склонив голову, и тут же вернулся к главной теме разговора: – Складывается впечатление, что основные события будут разворачиваться где-то здесь, в непосредственной близости от дворца, и боги целенаправленно собирают здесь тех, кто может помочь. Ив, Хала, Рина, теперь вот Стъэль, если предположения верны... Вырисовывается любопытная цепочка, в которой каждый тянет за собой следующего.

– И что это нам дает? – слегка подобрался Ив.

– Ничего. Говорю же, любопытная цепочка, – Алый Хлыст улыбнулся. – Нам остается только следовать за ней и ждать.

– Значит, пойдем говорить с альмирцем? – предложила я. Старательно уговаривая себя, что хочу поскорее увидеть мужа исключительно по делу, а не потому, что губы ноют в желании поцелуя, стоит мне о нем вспомнить.

– Прошу простить, но – без меня. – Даор красиво развел руками. – Боюсь, на весь сегодняшний день до вечера у меня несколько иные планы. Но я уверен, что вы справитесь и сами.

– Что-то случилось? – хмуро спросили мы, переглянувшись, едва ли не хором. Чтобы Алый Хлыст, да отказался поболтать о высоком и покопаться в интересной загадке?

Даор едва заметно улыбнулся, окинув нас обоих выразительным взглядом, потом все же ответил.

– Неизвестно. Просто тревожные слухи. Пока, – со значением добавил он. – Их нужно осмыслить, уточнить детали, а это я предпочитаю делать в покое и одиночестве.

Намек был более чем понятным. Конечно, как кесарь я могла приказать ему что угодно, тем более в свете весьма расплывчатой присяги, юридически дающей сюзерену практически неограниченные права. Но не хотелось начинать творить глупости вот так с ходу, поэтому я предпочла откланяться.

– А ты-то никуда не спешишь по срочным делам? – спросила железяку, когда мы вышли.

– Мое самое главное и срочное дело – охранять тебя, – усмехнулся Ив. – Можно сказать, сейчас я только этим и занимаюсь. Конечно, Даор пытается потихоньку привлекать меня к делам своей милии, но я слишком бестолков для этого.

– Не приbedняйся, – проворчала я, а потом сквозь прищур пристально уставилась на него, озаренная внезапной идеей. – Погоди, получается, у тебя сейчас много свободного времени?

– Наверное, можно сказать и так. А что? – Ив удивленно

вскинул брови.

– Как ты смотришь на то, чтобы заняться организацией в Верхнем дворце учебного заведения для одаренных?

– Какого? – растерянно уточнил он.

– А какого захочешь, – великодушно разрешила я. – Смотри, ты ведь идеально подходишь! Ты проверенный и надежный человек, у тебя есть опыт создания подобного, подбора учителей и отбора учеников, ты прекрасно разбираешься в людях...

– В людях разбирался Хала, – возразил Ярость Богов.

– Хала в любом случае откажется с этим связываться, это ведь не государственная необходимость, а просто толпа буйной молодежи, – ответила я с сожалением. – А больше мне не к кому обратиться, всем не хватает либо здоровья, как Пустой Клетке, либо авторитета, как той же Пастушьей Свирели. Случайного человека брать не хочется, все-таки соседями будем, а у тебя, мне кажется, должно получиться. Организуем университет. Был ты Железным регентом, будешь – Железным ректором! Да не смотри на меня так затравленно, это просто предложение, я же не заставляю, – резюмировала я.

– Я подумаю, – кривовато усмехнулся Ив и предпочел перевести тему. – Куда мы теперь?

– Говорить со Стёлем, – со вздохом ответила ему. – Я понимаю, что все это может подождать до вечера и лучше бы мне вернуться к бумагам, которые остались на столе. Но

очень хочется узнать, угадала я или нет.

– Тогда почему не откроешь дверь сразу в нужную комнату? Помнится, ты с удовольствием пользовалась этой возможностью.

– Он сейчас на конюшне, а дотуда я дотягиваюсь, только чтобы осмотреться, влияние дворца ослаблено. Стъэль готовится к тому знакомству со столицей, о котором говорил Даор. Глупость все-таки. Неужели обязательно тратить на это столько времени?

– Люди любят красивые зрелища, – сказал Ив, пожав плечами. – Я понимаю, почему Алыи Хлыст хочет сделать все именно так. Кесарь в колеснице – это очень яркий, понятный каждому жителю символ. Понятно, что править страной – совсем не то же самое, что четверкой лошадей, но твердо стоящий на ногах правитель, уверенно держащий вожжи, вселяет оптимизм. То есть он как минимум силен, достаточно здоров и ловок. Это мы с тобой понимаем, что подобное – не главные качества для правителя, но кесарь для людей – это еще и главный защитник. Слухи о Стъэле ходят один другого страшнее, и, если его скоро увидят вот таким, это позволит заметно успокоить народ. Да, в шрамах, кривой на один глаз, но красота в списке достоинств хорошего кесаря точно не значится. Разве что в глазах потенциальных невест, но это не наш случай. Кроме того, подальше в тень отступит фигура Железного регента, что только облегчит всей стране жизнь. Меня в народе не слишком-то любили, – ухмыльну-

ся он.

– Да. А еще большие мальчики любят большие игрушки, а куда уж больше колесницы, правда? – с напускной грустью вздохнула я.

– Не ворчи, – отмахнулся Ярость Богов со смешком. – Даже если и так, тебе жалко, что ли?

– Ну... нет, – от такой постановки вопроса я даже растерялась. И кстати вспомнила идею, подкинутую Райдом и забытую за последними треволнениями. – Ив, а у меня еще вот такая мысль появилась. Может, ты Стёля и поучишь? Ты вроде бы ловко управляешься с этими зверюгами.

– Мне-то нетрудно, если он согласится. А что, так хочется нас подружить? – иронично спросил мужчина, легко меня раскусив.

– Ну... да, – честно ответила я. – Мне кажется, у вас много общего и вы легко друг друга поймете. Со скидкой на его трудности с общением.

– Посмотрим, – хмыкнул Ив. – А тебе не кажется, что ты уж слишком быстро и полностью доверилась альмирцу? То, что он повел себя с тобой... достойно и проявил заботу, характеризует его хорошо, я согласен. Хорошо как человека, мужчину, но не политика.

– Определить его лояльность как политика и государственного деятеля прекрасно сумеет Голос Золота, в помощь которому его предложил Виго, – отмахнулась я. – Он, конечно, сказал, что Унат стар и теряет хватку, но этот лис на де-

ле переживет всех нас, и ум у него яснее, чем у нас всех, вместе взятых. Но я прекрасно понимаю, что Стъёлю пока этого знать не обязательно. Я не доверяюсь ему... быстро и полностью. Хочу этого, но меня слишком хорошо учили для подобного. Просто я желаю, чтобы хотя бы в моем ближнем окружении все было тихо, спокойно и мирно настолько, насколько это возможно. И да, в том числе чтобы ты не косился на него как на врага и злодея. Можешь сделать мне такое одолжение? – попросила я, искоса глянув на спутника.

– Тебя действительно очень хорошо учили, – чуть улыбнулся Ив. – Даже странно. Я помню тебя младенцем, а разговариваю с тобой и чувствую, что ты если не старше, то заметно умнее меня. Я вот, например, поверил Даору, что Унат действительно сдает, а это, оказывается, военная хитрость...

– Да ладно, – от такого ответа я даже смутилась. Второй раз подряд меня сегодня хвалят, причем всерьез. Приятно... – Это просто ты в последнее время как не в себе. С момента исцеления.

– Есть такое дело, – широко ухмыльнулся он. – Просто я никак не могу понять, где тот я, в которого следует вернуться. Влезать в шкуру Железного регента сейчас очень тяжело и совсем не хочется. Да, она полезна для дела и во многом удобна, да, я действительно выскочил из нее слишком резко. Может, со стороны это выглядит странно и даже пугающе, но... честно говоря, мне совсем не хочется иметь что-то общее с большей частью собственного прошлого. Одно дело

– изобразить прежнюю железяку для посторонних, и совсем другое – действительно вернуться к этому поведению. Обещая, я возьму себя в руки, начну радовать старину Даора сдержанностью и предсказуемостью, но не сейчас. Слишком много эмоций, ощущений, новых мыслей и перспектив, нужно время, чтобы освоиться и отдышаться.

– М-да, я об этом не подумала, – протянула я задумчиво и тут же опомнилась. – Кстати, о перспективах! Когда вы с Риной успели пожениться?

– В вечер перед твоим представлением, – мужчина чуть пожал плечами. – Можно подумать, на это нужно много времени и ума!

– Я, конечно, понимаю, что это не мое дело, но... а куда вы-то так торопились? Или все же вас можно поздравить с грядущим пополнением?

– Даор, – поморщившись, коротко ответил он.

– Что – Даор? Его-то с чем поздравлять? – опешила я.

– Он высказался в том духе, что женатым я доставлю ему меньше проблем, чем непредсказуемым еще и в личной жизни. И это справедливо.

– И как? – осторожно уточнила я. – Ты не сердишься на него? То есть ты счастлив?

– Я сейчас счастлив независимо от внешних обстоятельств, – хмыкнул Ив. – Меня даже грядущий конец света не особенно расстраивает и пугает. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Рина... с ней хорошо. Скажем так, я считаю,

что с ней мне лучше, чем могло быть с кем-то еще, — на его губах появилась очень непривычная, теплая, какая-то даже мечтательная улыбка.

По-моему, такое выражение лица само по себе служило хорошим ответом на все вопросы, но заострять на этом внимание я не стала, даже удержалась от насмешек. Просто чтобы не спугнуть его. Если он действительно влюблен и это мне не кажется, то лучше не трогать и не подталкивать его к осознанию. Вряд ли он, конечно, со страху сбежит от своей женщины, если уже на ней женился, но мало ли как отреагирует? Мужчины в этом отношении смешные. Да, впрочем, многие женщины тоже.

— В общем, у нас с тобой похожая ситуация. Только тебе тяжелее, мы с Риной гораздо дольше знакомы, чем ты со своим мужем, — резюмировал он.

Конюшня и некоторые другие хозяйственные постройки располагались за правым крылом дворца, за парком, чтобы не бросались в глаза высокородным обитателям. Помимо конюшни здесь имелся даже небольшой стадион, на котором регулярно устраивали состязания, включая и бега. Правда, четверки тут не соревновались, места было маловато. Да и нехорошо отнимать такое всенародно любимое развлечение у жителей Вира: на дворцовый стадион могли попасть далеко не все желающие.

Спускаясь по пологой мраморной лестнице, мы разглядывали группу людей у левого края стадиона и знакомую

упряжку. В колеснице стояли двое, с такого расстояния я не видела лиц и фигур, но предположить было нетрудно: Стъэль и кто-то из конюхов. Пока мы спустились и приблизились – молча, потому что я с жадностью и напряжением наблюдала за происходящим: четверка успела сделать несколько кругов по стадиону, то шагом, неторопливой рысцой, то широкой, размашистой рысью, едва не срываясь в галоп. Когда колесница в очередной раз прокатилась мимо группы зрителей, лошади перешли на шаг и на землю прыгнул один из ездоков.

Почему-то в этот момент мне стало совсем беспокойно. Казалось бы, повода сомневаться в умениях мужа нет, и, если более опытный человек отдал ему вожжи, значит, вполне в нем уверен. Тогда почему сердце так замирает, откуда этот ком в горле и непонятный страх, что сейчас непременно произойдет что-то плохое?

Может быть, все потому, что я терпеть не могу этих ржавых тварей с их сволочным нравом, и у нас это взаимно? У них никакого уважения к титулу и роду, у меня – к родословной, выучке и статям...

Я убеждала себя, что проблема именно в этом, но все равно нервно оглядывалась по сторонам.

– Тия, с тобой все в порядке? – наконец тревожно спросил Ив, когда мы уже шли вдоль низкой оградки стадиона к зрителям.

– Не знаю, мне почему-то очень беспокойно. Как будто...

Меня прервал резкий, пронзительный, пробирающий до костей крик, хлестнувший по нервам. Я дернулась и охнула от боли, зажав уши обеими руками.

Они камнем пали из-под окрашенных алым облаков – две птицы, две густых непроглядно-черных тени. Огромные, каждая с лошадь размером, с широкими крыльями, края которых, кажется, металлом поблескивали на солнце. Одна с новым воинственным кличем кинулась на нас, другая – на несущуюся во весь опор четверку.

Удар первой отбил Ив, который, в отличие от меня, успел среагировать и поднять защитный купол. Черная крылатая тень взвилась в небо, поднимая крыльями ветер, и явно собралась зайти на новый круг.

Вторая птица попыталась схватить возницу, но мужчина каким-то чудом увернулся. Промчавшись мимо, тварь полоснула когтями по боку правого коня. Тот закричал от боли – почти по-человечьи, я никогда не слышала, чтобы лошадь издавала такие звуки, – и шарахнулся на остальных скакунов, едва не сбивая их с ног.

Дернулась колесница, и я видела – во всех подробностях, будто время замедлилось, – как возница вылетел вбок, прокатился по земле.

То ли обезумевшие от страха, то ли разъяренные лошади неслись прямо на застывших в ужасе людей. Что-то заорал Ив, но его как будто не слышали, и мужчина бросился наперерез упряжке.

Я тоже его не слышала, я видела только лежащее в песке неподвижное тело, на которое нацелилась вторая тень. Сорвалась с места я одновременно с Железным регентом.

В голове вдруг стало ясно и пусто, никаких сторонних мыслей. Только отчетливо отпечатавшиеся в сознании слова старого фира, учившего меня обращаться с даром, бешеный стук крови в висках, боль в груди и боку от быстрого бега и обратный отсчет мгновений до того, как когти сомкнутся на незащитной плоти.

У любого, даже самого могучего фира есть одно ограничение: мы не можем изменять мир на большом расстоянии от своего тела. Можем прийти, изменить и уйти. Некоторые чары можно передать по земле или по воздуху – так отправляют послания на дальние расстояния. Но защитный купол, увы, к подобным исключениям не относится...

Я даже не поверила в первое мгновение своим глазам, когда когти – огромные, каждый с мою руку, – высекли сноп блестящих искр из воздуха почти над самым телом лежащего мужчины.

Успела!

Разочарованный, полный злости крик опять ввинтился в уши, птица пролетела мимо. В следующее мгновение я наступила на подол собственной туники, полетела кубарем. Тут же вскочила, со злостью поддернула его и, преодолев последнюю пару метров, рухнула на колени рядом с мужем.

Легкие горели огнем, и казалось, что воздуха вокруг не

осталось вовсе, а они вот-вот разорвутся. Нельзя, нельзя было так пренебрегать физическими упражнениями!

Перед глазами плавали цветные круги, будто еще мгновение – и я просто упаду в обморок рядом со Стёлем. От этой мысли мороз прошел по коже: это означало смерть.

Стараясь не выпускать из вида птицу, я первым делом нащупала пульс на шее мужа. Живой.

Когти клацнули по воздуху над самой моей головой. Я инстинктивно сжалась, но тут же заставила себя распрямиться, чтобы не упускать врага из виду.

Птица не сдавалась, пикировала снова и снова, но я уже не дергалась так от каждого ее крика, больше занятая осмотром мужа. Шея была цела, дыхание, насколько я могла видеть, ровное.

А через мгновение Стёль вздрогнул, кажется, разбуженный моими прикосновениями, с трудом открыл глаз, болезненно щурясь. Потянулся рукой к собственной голове, зашевелился, пытаюсь встать. Я с облегчением отметила, что ноги и руки вроде бы двигаются, значит, и спина цела. Но все равно прохрипела, прижимая его за плечо к земле:

– Не двигайся! Мало ли что там у тебя за раны!

Птица вновь крикнула, Стёль вздрогнул от пронзительного звука и все-таки рывком сел, не сводя взгляда с твари.

– Не вставай. Чем меньше купол, тем проще его держать, а у меня не столько сил, как у Ива, – попросила я, обхватила его сзади за плечи, почти укладывая на себя, прижимая его

голову к своей груди. — Как же ты меня напугал... — прошептала ему, почти уткнувшись губами в его макушку. — Я не для того замуж выходила, чтобы на второй день овдоветь!

Стёль покорно расслабился и смежил веки, осторожно сжал предплечье моей руки, обнимавшей его за шею. Но очередной крик опять заставил его напрячься и уставиться на упрямую тварь.

А мне больше всего хотелось сейчас зажмуриться, заткнуть уши и забиться куда-нибудь под кровать. Но приходилось настороженно следить за движениями нападающего, гадать, на сколько еще хватит защиты, и судорожно перебирать в памяти все, что я могла слышать о подобных существах и способах борьбы с ними. Увы, там было совершенно пусто. А между тем от каждого удара купол прогибался, как будто противостояло мне не животное, пусть и огромное, а другой фир. И я все никак не могла оценить, насколько хватит моих сил. Казалось, что надолго, но вопрос — как скоро надоест птице?

Единственной светлой мыслью стало позвать на помощь, но я не представляла, кто вообще способен с этим справиться.

В этот момент я наконец вспомнила, что на стадионе мы не одни, но оглядеться в поисках Железного регента не успела — землю сотряс тяжелый удар. В ответ на это птица издала какой-то совсем новый, непонятный звук, похожий на болезненный стон, и вновь бросилась вниз, уже не на нас, а ку-

да-то за наши спины. Новый удар оборвался тишиной, звенящей в ушах.

Оглянулись мы вместе со Стёлем, который мягко высвободился из моих рук и сейчас сидел сам, опираясь на одну руку, а второй держась за голову, пострадавшую при падении.

Ив, слегка припадая на правую ногу, спешил к нам, озираясь и порой поглядывая в небо, а чуть в стороне виднелась груда камней, из-под которой торчало изломанное черное крыло.

– Убил бы! – мрачно сообщил Ярость Богов, останавливаясь рядом с нами и окидывая цепким, пристальным взглядом.

– За что?! – возмутилась я. – Что я, по-твоему, должна была...

– Это было междометие, не требующее ответа, – усмехнулся он, перебив мои возмущения: явно успокоился, увидев, что мы оба почти не пострадали. – По-хорошему, вы-то точно не виноваты, но напугала ты меня здорово. Живой? – уточнил фир, окинув Стёлю вопросительным взглядом.

Тот только поморщился в ответ, но поднялся на ноги. Я дернулась было поддержать его под локоть, но своевременно одумалась: если он начнет падать, я его точно не удержу. К счастью, покачнувшегося альмирца ухватил за плечо Ив и выпустил только тогда, когда убедился, что тот стоит на ногах.

Мужчины одновременно протянули мне руки, чтобы помочь подняться, я недолго думая ухватила за обе ладони и буквально взлетела с земли.

– Что это были за существа? – проворчала я, отряхивая подол.

Толку от этого не было никакого, разве что я обнаружила свежую ссадину на тыльной стороне ладони – очевидно, получила ее, пока кувыркалась по плотно укатанному песку. И не только на руке – были содраны локти, плечо, колени тоже саднили. Да еще я вдруг обнаружила, что руки дрожат и ноги тоже, а в груди потихоньку собирается неприятный холодный комок запоздалого страха.

– Честно? Я даже в легендах про такое не читал. Хотя умом они не отличаются; когда я прибил первую, вторая буквально сама подставилась под удар. Нормальные животные вообще-то в таких случаях отступают. Ладно, придут умные люди, посмотрят, может, что и скажут. Взглянем поближе? – предложил он.

Мы синхронно кивнули, шагнули в сторону груды камней, ставшей могилой странных птиц, – и я, охнув, опять едва не растянулась на земле. Хорошо, успела уцепиться за мужа.

– Что за... ржа меня побери, ну вот как?! – простонала я, вновь аккуратно перенося вес на левую ногу. Лодыжка отозвалась тупой ноющей болью. И как я не заметила этого сразу?

– Что такое? – за обоих мужчин спросил Ив.

– Ногу повредила. Да слегка, я как-нибудь... доковыляю. Стёль, куда! Ну ты же сам раненый! – с тяжелым вздохом проворчала я мужу, легко подхватившему меня на руки. Тот в ответ только недовольно поморщился.

– Может, правда я донесу? – предложил Ив, вопросительно вскинув брови.

Каким взглядом на это ответил альмирец, я не видела, потому что снова смотрела на него справа, со стороны повязки. Но Ив вскинул руки в жесте капитуляции и искренне, от души расхохотался.

– Спокойно, я не в том смысле! Мне Тия как дочь, я на нее не претендую.

Мой муж в ответ на это выразительно скривился, качнул головой и, на том завершив разговор, зашагал в нужном направлении. Ив, насмешливо фыркнув, двинулся следом.

«Неужели ревнует?» – шевельнулась радостная мысль, но я одернула себя. Конечно, хотелось бы, чтобы действия мужа оказались продиктованы чувствами, но, скорее всего, двигало им что-то другое.

– Стёль, может, все-таки не стоит меня таскать? – мягко, увещательно предложила я. – Ты же сам ударился, был без сознания, а это может быть опасно... – я ласково коснулась его виска кончиками пальцев, внимательно разглядывая рану на голове. Выглядела та, впрочем, не так страшно, как мне показалось на первый взгляд. Просто ссадина. Но на белых волосах запекшаяся уже кровь смотрелась жутковато, в

очередной раз неприятно напоминая родовые цвета кесарей Вираты.

Муж в ответ недовольно скривил губы и промолчал. Как обычно.

Я вздохнула, дотянулась и поцеловала его в висок.

Как, должно быть, тяжело, когда не можешь сказать даже простейших слов, не можешь дать понять, что тебе нравится, а что нет...

Надо все-таки основательней взяться за изучение этого языка. Да, дел много, но это с каждым часом, по-моему, становится важнее.

Глава 4. О мире и хаосе

Стёль Немой

Невысказанные слова жгли горло.

Это было мучительно, почти физически больно, как будто мне в шею воткнули раскаленный стальной прут и крутили его туда-сюда.

Именно это ощущение я ненавидел всей душой, именно из-за него подался к жрецам Немого-с-Лирой. Шепотки можно было перетерпеть, презрительные гримасы тем более, жалость меня не беспокоила, даже интриги и попытки использовать калеку по своему усмотрению – как будто я головой повредился, а не потерял голос – не играли решающей роли.

А вот эта собственная беспомощность, когда ты не можешь объясниться с окружающими, когда достаточно нескольких слов – но сказать их невозможно... Вот это бесило до кровавой пелены перед глазами. Приходилось стискивать кулаки и сжимать зубы, не имея возможности ответить. Потому что для удара нужен веский повод, а его, как правило, не давали.

Я пытался говорить. Шептать, сипеть – хоть как-то. Через боль, потому что малейшая попытка напрячь горло отзывалась именно ей – режущей, острой. Только через пару дней это закончилось осложнениями, воспалением и чем-то

еще, на что дан-целитель грязно ругался и посоветовал мне повеситься сразу, а не растягивать удовольствие подобными методами. Жестко и в очень грубых выражениях сообщил, что горло не заживет никогда, что нечему там заживать, и такими темпами я смогу добиться только того, что сделаю хуже и даже есть самостоятельно не смогу. Если бы дана кто-то услышал, он легко мог загреметь под суд за оскорбление принца крови, но слова были верными. Возможно, единственно верными. Я многого не понял из объяснений, все же не целитель, но главное слово – «нельзя» – запомнил накрепко. Несмотря ни на что, жить я по-прежнему хотел. Даже так.

За годы в храме я успел отвыкнуть от этого ощущения, в густой и плотной тишине старого поместья – или, вернее, почти замка – у меня не было никаких проблем по части взаимопонимания с окружающими. А сейчас они опять вернулись, только еще острее и болезненней – то ли с непривычки, то ли от важности слов, которых я не мог произнести.

Ни выразить недовольство, ни поправить ошибку, ни пошутить, ни выругаться. Но главное, что жгло сейчас, – я даже не мог сказать спасибо.

Эта юная хрупкая девочка не раздумывая бросилась мне на помощь.

Меня не смущала личность спасительницы. Я прекрасно понимал, что, как бы она ни выглядела, она – обученная сильная фира. Признавал, что не смог бы противопоставить что-то тем летучим тварям, даже находясь в сознании, и не

испытывал по этому поводу ничего, кроме благодарности к Ти. Благодарности, которую никак не мог выразить, и это очень больно жгло душу. Почему-то казалось нелепым доверять такое письму, как будто, записанные, слова потеряли бы все свое значение и смысл.

Странно, но такая ее решимость, такая храбрость совсем не удивили. Восхитили – да, потому что непривычно было встретить подобную самоотверженность в столь юной девушке, почти ребенке. Но я уже понял, что у этой девочки были отличные учителя, постаравшиеся к ее семнадцати годам вложить в хорошенькую головку как можно больше.

А еще эта ситуация меня... напугала? Нет, скорее шокировала. Потому что времени на раздумья у Ти не было, и она бросилась мне на выручку, явно не успев прикинуть выгоду и возможные проблемы от моей смерти. Даже Ярость Богов, обученный воин с боевым опытом, кинулся спасать то, что было ему дорого, – лошадей. И сознавать, что я на второй день знакомства вдруг стал настолько важен для своей жены, что она готова была из-за меня буквально рискнуть жизнью, было странно и – да, жутковато. Потому что все это требовало какой-то реакции, ответных действий, а я... даже поблагодарить толком не мог.

Единственное, что я мог сейчас, – это осторожно обнимать льнущую ко мне жену. На Тию навалился запоздалый эмоциональный откат после происшествия, женщину потряхивало, но все равно она держалась молодцом, даже не пла-

кала. Только сидела рядом, подобрав ноги, и жалась к моему плечу, как будто ей было холодно.

А через пару секунд я решился, плюнул на все собственные представления о приличиях и потянул женщину к себе на колени. Тия тут же свернулась калачиком, вцепилась в мою рубашку, уткнулась лбом в шею и затихла. Все присутствующие сделали вид, что ничего не произошло. Да, впрочем, присутствовали здесь хорошо знакомые лица, которых сама сиятельная госпожа кесарь не стеснялась ни в каких ситуациях.

– Ив, друг мой, прости, но... ты идиот. – Даор со вздохом резюмировал подробный рассказ Железного регента о последних событиях – не только нападения на стадионе, но и смерти жрицы.

– По сути замечания принципиальных возражений нет, тебе виднее, но хотелось бы уточнений, – со смешком отозвался тот.

– Я понимаю, что тебе очень дороги эти животные, и слуг жалко, они тоже люди. Но ты не мог бы в следующий раз верно расставлять приоритеты? Ты вообще хотя бы примерно представляешь себе, чем могла обернуться гибель Стёлля? Муж кесаря, Знающий, да еще альмирский принц... А ты лошадей спасать побежал!

– Идиот, – легко согласился Ив. – Слабый аргумент, но... этих лошадей я все-таки знаю дольше, чем принца.

Я не удержался от смешка, но шутку, похоже, кроме ме-

ня, никто не оценил. Даор недовольно поджал губы, окинул Железного регента укоризненным взглядом и заметил:

– С Риной ты тоже знаком меньше, чем с этими лошадьми. Почему-то мне кажется, что в случае с ней выбор был бы иным.

– С Риной другое дело, тут личная заинтересованность, – нехотя возразил Ив.

– Вот будь добр, приобрести личную заинтересованность и в нашем правителе! – припечатал Алый Хлыст.

– Даор, хватит, – подала голос Тия. Чуть повернула голову, наверное, чтобы видеть окружающих, но распрямиться и отстраниться даже не подумала. – Не брюзжи. Все обошлось и повернулось лучшим образом, никто не пострадал. Скажем, если бы Ив кинулся спасать Стъёля, я бы точно не подумала про лошадей, и кончилось бы все хуже. Гораздо важнее сейчас понять, что это за твари и что им было нужно. Мне показалось, они нападали слишком целенаправленно для обыкновенных неразумных животных, да и мой муж явно проигрывает в питательности лошадям. Не говоря о том, что я даже легенд о подобных существах не слышала!

– Никто из тех, кто смотрел на этих тварей, не припомнил ничего существенного, – поморщился Ив. – Сейчас трупы изучают все более-менее проверенные и даже совсем не проверенные люди, но я сомневаюсь, что они додумаются до чего-нибудь путного. Тия права, основной целью был именно Стъэль. Даор, молчи, я уже осознал, проникся и раскаялся!

– Очень этому рад, – заверил тот вроде бы без издевки. – Но подобное заключение меня тревожит. Конечно, у нас есть люди, желающие новой войны с Альмирой, такие же есть по ту сторону границы. Но вряд ли ради одного этого они прибегли бы к такому сложному и удивительному способу, нашли бы что попроще. А твари неизвестного происхождения и природы... – проговорил он и с сомнением качнул головой.

В этот момент я привычным способом, звонким щелчком пальцев, привлек внимание присутствующих, радуясь, что в компании находится и Гнутое Колесо.

«У меня есть некоторые предположения по этому поводу», – сообщил я. Виго удивленно вскинул брови в ответ, но перевел.

– Мы с нетерпением слушаем вас, сиятельный, – проговорил Даор, уважительно склонив голову.

Алый Хлыст при моих словах ощутимо подобрался. Если до этого он выглядел лениво-расслабленным, почти равнодушным, немного оплывшим и походил на престарелого придворного бездельника, и лишь брюзгливо поджимал губы, отчитывая Ива, то теперь от этого впечатления не осталось ни следа. Седьмой милор как он есть, не зря занимающий свое место.

Я аккуратно пересадил жену на ложе рядом с собой, и она не стала возражать. Кажется, Тии тоже было очень любопытно, и это чувство окончательно вытеснило тревогу. Женщина прижалась сзади к моему плечу – неудобно, но слишком

приятно, чтобы я сумел возразить.

Рассказ занял довольно много времени. Виго хоть и знал язык жестов, но владел им отнюдь не в совершенстве, поэтому приходилось тщательно выстраивать фразы и давать советнику паузы для перевода. Закрепленного за мной помощника, лучше владеющего этим языком, звать не стали, предпочитая обходиться без лишних ушей.

Одной из причин, по которой меня не желали отпускать из храма, являлись мои знания, которых было слишком много для постороннего. Не то чтобы мне доверили какие-то подлинны́е секреты, если они вообще существовали, но многие вещи «для внутреннего пользования» не стоило выносить за пределы библиотеки. Во всяком случае, жрецы были в этом уверены. Но отказать королю и нарушить его приказ, разумеется, не посмели, как не посмели бы удерживать меня силой.

Во всем была виновата скука. Несмотря на настойчивое и твердое желание отгородиться от внешнего мира, на уверенность, что в храме мне будет гораздо лучше и удобнее, я не мог переделать свою природу. А сидеть на одном месте я никогда не любил, как и бездельничать. Так что единственным спасением от скуки для меня в храме стали книги, которых в местной библиотеке имелось великое множество.

Поскольку я и так просиживал над томами и свитками часами, жрецы решили использовать это стремление на благо храму и предложили мне расшифровывать и переписывать

самые старые и ветхие образцы. Благо в аккуратности мне отказать было нельзя, а на старом языке я писал, читал и разговаривал бегло – результат отличного образования. Работа писаря мне показалась забавной, к тому же стоило зарабатывать руку не только тренировками, и письмо для этого подходило как нельзя лучше.

Так вот среди прочего мне попался старый дневник, записки «скромного безымянного жреца», который вел их от лица некоего Айна Благословенного. Тот был слеп, нем и, по заверениям писаря, отмечен Немым-с-Лирой. Не удивлюсь, если Драйдр Затворивший Уста, который основал современный альмирский культ этого бога (да и не только альмирский, заложенные им традиции уверенно расползались по остальным странам), вдохновлялся в своих теориях в том числе и личностью Айна.

Тогда, когда я занимался переписыванием тусклых символов, начертанных на ветхом пергаменте, я еще понятия не имел, кто такие Знающие, поэтому просто решил, что у пророка были проблемы с головой. Уж очень специфичный текст, уж больно странные и слишком смелые вещи он описывал. Сейчас я по-прежнему не исключал варианта с умопомрачением Благословенного, но все-таки допускал, что свои слова давно покойный мученик твердил под диктовку того же бога, который привел меня сюда.

Но в любом случае меня совсем не удивляло, что эти записки постарались забыть и засунуть в дальний угол библиотеки.

Сжигать труд одного из жрецов посчитали кощунственным, да и Айн Благословенный – вроде как избранный Немымс-Лирой, но обнародовать все это значило навлечь на себя большие неприятности.

Главная и самая пугающая, неожиданная мысль заключалась в том, что Хаос за пределами небесного свода не мертв. Он населен массой опасных, жутких на человеческий взгляд существ, которые живут жизнью, принципиально не отличающейся от нашей. То есть они тоже едят, пьют, борются за существование. Но боги, устав от этого жестокого мира, решили создать свой – наш – и заселить его существами более... возвышенными, чем основная масса обитателей Хаоса.

Не все люди подходят под это определение, но среди нас сравнительно немного тех, кто получает удовольствие от разрушения как процесса, и гораздо больше тех, кто стремится удовлетворить не только низменные потребности. Да, люди тоже воевали между собой, но это было неизбежно: для того чтобы любить мир и стремиться к нему, человеку нужно знать его цену. Природа человека такова, что, живя спокойной жизнью без потрясений, он либо устраивает их себе самостоятельно, либо начинает лениться и глупеть. Во всяком случае, большинство.

Почему боги сразу не создали всех людей идеальными? Ответа на этот вопрос не давал не только Айн Благословенный, но и прочие книги, которые мне довелось читать.

К нему вообще все авторы подходили осторожно или вовсе тщательно избегали, давая понять, что и сами не знают ответа. Боги об этом молчали.

Лично мне казалось, что действительный ответ лежит где-то на границе двух версий. Первая, простая и святотатственная, о том, что боги не так всемогущи, как жрецы пытаются убедить паству. И вторая, куда более оригинальная, что именно несовершенство делает людей людьми, а не богами. Небожителям же нужны не тысячи подобных им существ, а смертные, которые будут им поклоняться и чья вера даст им пищу.

– Это отчасти объясняет слова Идущей-с-Облаками, сказанные перед представлением наследницы, – заметил Ив. – О том, что воля людей сильнее воли богов.

– Вероятно, – медленно склонил голову Даор. – Если допустить, что тот Благословенный действительно был Знающим, а не каким-то сумасшедшим с оригинальным бредом... Думается мне, что не усталость от Хаоса привела богов к созданию нашего мира в его нынешнем виде или не одна она. Да и в мелочное тщеславие их, первым приходящее на ум, совсем не верится. У всего этого есть какая-то цель. Зачем-то нас создали, и создали именно такими. При этом боги связаны массой условий и запретов, из-за которых они не могут, среди прочего, рассказать нам подробности происходящего. И я даже рискну предположить, что сейчас мы находимся на пороге событий, ради которых все затевалось. Но,

впрочем, предлагаю для начала дослушать Стъяля.

После его поощрительного кивка я продолжил рассказ.

Еще одно неприятное открытие состояло в том, что мир наш был не первой попыткой богов упорядочить Хаос, но, похоже, самой удачной. Подробностей в трактате не представлялось и сведения в целом были поданы в крайне мутной форме, но я сделал именно такой вывод.

Почему так происходило и чем наш мир отличался от прежних, Айн Благословенный не говорил, но возможный ответ давали другие источники. Как-то все это было связано с личностью Немого-с-Лирой, самого загадочного из богов. Почти все «неофициальные» теологи и философы сходились на том, что прежде Немой был ярым и сознательным противником богов-созидателей во главе с Обжигающим Глину и вредил им совсем не случайно. Некоторые смело называли его сыном или даже хозяином Хаоса, более осторожные – просто самым грозным из его обитателей. Но решительно все признавали, что именно помощь Немого-с-Лирой позволила богам справиться с задачей. Откуда взялась официальная версия, на которой настаивали жрецы, и почему было столько ее противников, я так и не понял. Но все они существовали уже очень давно, параллельно друг другу.

Касательно нападавших на нас птиц – как раз Айн Благословенный и писал о чем-то подобном. Он, правда, утверждал, что у этих тварей человеческие головы, голос их убивает, дыхание зловонно и ядовито, вызывает болезни, а еще

при желании ухры – так назывались эти существа – могли изрыгать огонь. Но это было вообще единственное упоминание настолько огромных летучих существ. Автор приводил их как один из примеров тварей Хаоса, но тварей бессловесных и в сравнении с богами слабых, которых последние использовали в качестве ездовых животных еще до создания нашего мира. Больше того, я встречал старинные гравюры, где верхом на подобных тварях были изображены Обжигающий Глину и Немой-с-Лирой.

– Кхм, – подытожил сказанное Даор. – Любопытно, очень любопытно! Стало быть, некто сумел протащить в мир тварей Хаоса. Некто опытный, сильный, имеющий неплохую библиотеку... или советчика из числа потусторонних существ?

– Думаю, второе можно отбросить, – впервые подал голос Хала Пустая Клетка, сидевший, нахохлившись, в кресле в углу комнаты. Выглядел дан угрюмым и сосредоточенным. – Если боги не имеют реальной власти и с большим трудом находят лазейки, чтобы по крупницам дать нам информацию, вряд ли их противники – кем бы они ни были – не испытывают сходных трудностей. Иначе небожители давно бы проиграли.

– Зато можно предположить, что он находится здесь, во дворце, – поддержал его Даор. – Никаких распоряжений о подготовке торжественного шествия я не отдавал, и о том, что Стъель отправится к конюшням, заранее не знал никто.

Только сегодня утром я предложил этот вариант вам, в курсе были мы четверо. Потом вы отправились каждый по своим делам. Кто и когда отдал распоряжение конюхам?

«Я, примерно за час до того, как закончил дела с Голосом Золота и отправился к конюшням», – ответил я ему.

– Получается, Унат, Дрива и слуги. Я распоряжусь, чтобы со всеми ними поговорили. Впрочем, Унат вряд ли в чем-то таком замешан...

– А кто такая Дрива? – поинтересовался Ив.

– Переводчица, – коротко пояснил Виго. – В этой стране есть люди, знающие альмирский язык жестов, но их немного. Этот их своеобразный культ добрался и до нас. Но таких знатоков, которые не связаны со жрецами, можно по пальцам пересчитать, и это был лучший вариант. Она достойная особа, и я бы не стал ее подозревать в чем-то вроде работы на соседскую разведку. Но когда речь идет о столь своеобразном враге, думаю, под подозрением оказываются все, кроме людей, отмеченных богами.

– В таком случае под подозрением оказываешься и ты, – заметил Железный регент. – Тебя боги не отмечали.

– Разумеется, – ухмыльнулся тот в ответ. – Где уж мне, если...

– Хватит, – устало оборвал их Даор и продолжил уже мягче: – Друзья мои, сейчас не самое подходящее время для развлечений и словесных пикировок. Виго, Ив прав, твоего имени богиня не называла точно так же, как не называла она

Уната. Я одинаково доверяю вам обоим, но...

– Одинаково обоих проверю, – хмыкнул Гнутое Колесо. – Мне любопытно, как ты собираешься это делать, но – проверь, не жалко.

– Еще Райд был в курсе, – нехотя призналась Тия. – Мы разговорились, и я... как-то не подумала, что эти сведения надо держать в тайне.

– Никто об этом не думал, – успокоил ее Даор. – Значит, добавим к этому списку еще и Райда. Хала, ты ведь не откажешься на них всех посмотреть? А я поговорю по-своему, расспрошу.

– Вы меня такими темпами совсем загоняете, – с укором протянул Пустая Клетка. – Проверю, только ведь нет гарантии, что я смогу почувствовать то, о чем говорила жрица. Я не знаю, где и как это искать, как это вообще выглядит. Но, конечно, попробую. Вот на Вигу и потренируюсь прямо сейчас.

– Мне непонятно, почему именно птицы, – задумчиво проговорил Ив. – Как-то это ненадежно.

– Это легко объяснить, мой железный друг, – пожал плечами Даор. – Посторонним людям сложно проникнуть на территорию дворца, даже в окрестности конюшен. К тому же с людьми проще найти концы: кто нанимал, как нанимал – следы всегда остаются. А здесь... птицы. Прилетели, напали. Может, они это по собственному почину сделали, никто их не насылал, поди докажи! Почему именно они, а не ка-

кие-нибудь другие, более опасные твари? Вряд ли кто-нибудь рискнул бы прятать нечто подобное поблизости, значит, они должны были успеть добраться сюда из-за небесного купола. Птицам это сделать удобнее всего. Кроме того, мне думается, не так уж легко протащить нечто сквозь возведенную богами защиту. Может статься, что с достаточно мелкими тварями проделать это гораздо проще, чем с кем-то более страшным. Кто-нибудь еще имеет что сказать?

– Ну... я не уверена, – робко подала голос Рина – совсем молоденькая дана, сидевшая подле Ива. Я смутно помнил ее по празднику перед представлением наследницы народу и уже знал, что именно она вылечила Железного регента.

– Мы тебя слушаем, драгоценная, – подбодрил ее Алый Хлыст.

– Господин Стъёл приводит описание подобных существ как гадких тварей, действительно похожих на противоестественные порождения Хаоса, и все такое. Но ведь на деле это просто птицы. Да, очень большие и опасные, но в остальном они почти не отличаются от тех же орлов. И огнем они не дышали, и не травили никого, даже пострадавшая лошадь, кажется, осталась жива. И наши боги – тоже, конечно, необычные существа, очень могущественные, и выглядеть они могут на самом деле как угодно, но... почему-то ведь они, родившись из Хаоса, пожелали создать наш мир, чем-то от него отличающийся. Значит, возникла откуда-то мысль, что имеющийся мир плох. И если Хаос – это нечто очень опасное,

враждебное всему живому и вообще жуткое, то как все это могло получиться? Я имею в виду, есть противоречие. С одной стороны, ухры – это нечто жестокое, опасное, чудовищное. А с другой – просто крупные необычные животные, при этом достаточно умные, чтобы дрессировать их и использовать как ездовых... Если, конечно, это действительно были они.

– Интересная мысль, – задумчиво протянул Даор. – Так ли страшен Хаос безмирья, как о нем говорят философы? Что он совсем не похож на определение, даваемое жрецами, уже можно считать очевидным.

– Стёль, ты говорил, что видел купол небосвода вблизи. Какой он? – проговорил Ив.

Я неопределенно пожал плечами.

«Сложно сказать. Похож на мутное голубоватое толстое стекло, а на ощупь гладкий и упругий, как бурдюк с водой. Казалось, что он светится – то ли изнутри, то ли источник света находится за ним. И с нескольких шагов его уже не видно, как будто и нет ничего, легкая дымка, за которой продолжается равнина».

– А та равнина, за ним... она была неотличима от той, что позади? Как зеркальное отражение? Или все-таки казалась чуть другой, как естественное продолжение? – Даор задумчиво склонил голову к плечу. Вид у него был такой, как будто советник находится где-то очень далеко от нас.

«Не помню, мы не разглядывали, – ответил я, пожав пле-

чами. – Просто шли мимо, и старожилы решили попугать молодняк. Но скорее как естественное продолжение. Во всяком случае, собственного отражения мы там не видели и второй Волчьей горы – тоже. Это такой пик характерной формы, похожий на задранную морду воющего волка, потухший вулкан, его в тех краях отовсюду видно».

– Занятно, – пробормотал Алый Хлыст, после чего стряхнул оцепенение и обвел всех своим обычным насмешливо-снисходительным, чуть усталым взглядом. – Если ни у кого больше нет вопросов, то я предлагаю на этом пока закончить. До уточнения всех обстоятельств. Мы пойдем выяснять подробности, а вам обоим, Тия, стоит отдохнуть, как велел целитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.